

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

DOI: 10.31249/rsm/2020.02.01

О.И. Киянская

ИМПЕРИЯ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ. К ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИИ КОНЦА 1810 – НАЧАЛА 1820-х ГОДОВ

Аннотация. В статье речь идет об общественно-политической ситуации в России 1814–1825 гг. Автор описывает изменение настроений мыслящей части общества этой эпохи: от восхищения царем-победителем до осознания необходимости царубийства и коренного изменения государственного строя.

Анализируя феномен императора Александра I, автор утверждает, что молодое поколение русских дворян, вернувшееся с войны, именно с ним, с его реформаторскими устремлениями, связывало возможность социальной реализации и участия в политической жизни страны. Однако к концу 1810-х годов тенденция «закручивания гаек» взяла верх над этими устремлениями: в армии основное внимание стало уделяться подготовке к парадам и поддержанию дисциплины, вводились военные поселения, в университетах насильственно насаждалось православие, изгонялись неугодные профессора, происходило ужесточение цензуры и т.п. Возможности участия молодых дворян в политике были сведены к нулю.

Конец 1810–1820-х годов в истории России – это «эпоха тайных обществ». Рассматривается эволюция этого феномена: от организации, официально не зарегистрированной, но созданной для «помощи правительству», до антиправительственной конспиративной организации, члены которой готовили «военную революцию». Делается вывод о том, что власть способствовала этому перерождению: обманутые в своих ожиданиях молодые люди начали искать альтернативные возможности проявления политической активности.

Подводя итоги, автор отмечает, что вооруженные восстания 1825–1826 гг. стали неизбежным следствием изменения политической обстановки в послевоенной России. Восстание декабристов на много десятилетий вперед определило вектор взаимоотношений власти и мыслящей элиты.

Ключевые слова: Александр I; отмена крепостного права; конституционные проекты; тайные общества; военные поселения; Союз благоденствия; декабристы.

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН

(ИНИОН РАН), Россия, Москва. E-mail: kianoks@inbox.ru

Web of Science Researcher ID: H-8120–2013;

Scopus Author ID: 57212137038

Kiyanskaya O.I. The Empire of Lost Opportunities. On the History of Public Attitudes in the Russian Empire in the Late 1810s – Early 1820s

***Abstract.** The article focuses on the social and political situation in Russia in 1814–1825, describing a change in the intellectual elite’s sentiment – a shift from the admiration for the victorious tsar to the ideas of regicide and a necessity of radical change in the state system.*

Analyzing the phenomenon of Alexander I, the author argues that it was his reformatory intentions and the personality of the tsar himself on which the younger generation of Russian nobility, who had just returned from the war, based their hopes for their own social realization and wider opportunities for a more active role in the political life in Russia. Yet, by the late 1810s, there had prevailed a trend towards «tightening of the screws» in the country. The army focused of parades and more strict discipline, new military settlements were being set up, the Church orthodoxy was imposed at universities, while liberal professors were expelled and censorship became more and more severe. The opportunities for the participation of young nobility in political life were, in effect, reduced to zero.

The period from the 1810s to 1820s stands out in Russian history as an «era of secret societies». The paper traces the evolution of this phenomenon, starting with a loose organization for the «assistance to the government» all the way to the anti-government clandestine organization whose members planned a «military revolution». The government facilitated this transformation, as the young men, being frustrated in their expectations, began seeking alternative means for their political activism.

The author concludes that the military uprisings of 1825–1826 were an inevitable consequence of these political changes in the post-war Russia. The uprising of the Decembrists determined the vector of the relationship between power and the thinking elite for many decades to come.

Keywords: Alexander I; abolition of serfdom; constitutional projects; secret societies; military settlements; Welfare union; the Decembrists.

**Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU);
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: kianoks@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: H-8120–2013;
Scopus Author ID: 57212137038**

«Народов друг...»

1814 год – год освобождения Европы от владычества Наполеона – был для российского императора Александра I триумфальным.

Вступая на территорию Франции, император призывал своих солдат «понести» французам «не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку». «Слава россиянина», по словам императора, состояла в том, чтобы, победив врага, «благодетельствовать ему и мирным его собратьям. Сему учит нас свято почитаемая в душах наших православная вера. Она божественными устами вещает нам: “Любите враги ваша и ненавидящим вас творите добро”» [Собрание 1816, с. 151].

В марте был взят Париж – и великодушные императора-победителя тронуло сердца французов. Император не стал мстить: «Преисполненный чувствами высокой христианской любви, Александр в буквальном смысле слова осуществлял в Париже великую заповедь Спасителя. Он воздал французам за все зло, причиненное ими России, великими милостями и щедротами; своим неслыханным великодушием он заставлял краснеть сынов великой нации, опозоривших и ограбивших всю Европу... Повсюду, где ни появлялся Александр, он производил глубокое, неизгладимое впечатление. Во всех его словах и действиях выражалось самое высокое, гуманное, истинно человеческое мирозерцание. Чуждый всякого тщеславия, он разливал повсюду любовь и благодеяния...» [Надлер 1892, с. 185–194].

«Имя императора Александра гремело во всем просвещенном мире», Россия заняла «первое место между сильнейшими государствами в мире», гордилась своим императором и «ожидала от него новой для себя судьбы» [Трубецкой 1983, с. 217]. В Отечестве императора ждали бурные овации подданных.

В августе 1814 г. Синод, Государственный совет и Сенат решили преподнести императору титул «Благословенный». И хотя император от этого титула официально отказался, «Благословенным» его называли до самой смерти. Общественные настроения той поры передал Александр Пушкин:

*Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда [перед ним] раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!..*

В сентябре 1815 г. Александр инициировал создание Священного союза. «Их величества император австрийский, король прусский и император российский» договорились соединиться «узлами действительного и неразрывного братства» и «подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь».

«В отношении же к подданным и войскам своим» монархи брали на себя обязательство действовать «как отцы семейств», «управлять ими в том же духе братства, которым они одушевлены, для охранения веры, мира и правды» [Полное собрание 1830 г, с. 279].

* * *

Давно отмечено, что возникновение в России тайных политических организаций, которые, трансформируясь, подготовили восстание на Сенатской площади, во многом было следствием войны. Михаил Фонвизин вспоминал: «Чрезвычайные» события 1812–1814 гг. «возвысили» «дух наших войск и особенно молодых офицеров. В продолжение двухлетней тревожной боевой жизни, среди беспрестанных опасностей они привыкли к сильным ощущениям, которые для смелых делаются почти потребностью. В таком настроении духа, с чувствами своего достоинства и возвышенной любви к Отечеству большая часть офицеров гвардии и генерального штаба возвратились в 1815 году в Петербург» [Фонвизин 1982, с. 181–182].

Военное прошлое приучило молодых дворян к мысли о том, что от их личной воли, старания, мужества зависит, в итоге, судьба Отечества. Герои Бородина и Тарутина, Люцена, Бауцена, Кульма и Лейпцига, бравшие Париж, кавалеры множества орденов и владельцы золотых шпаг «За храбрость», они действительно «привыкли к сильным ощущениям». Ю.М. Лотман утверждал: трагедия, «разыгравшаяся на полях Европы, активно формировала психологию людей начала XIX века, в частности, приучала их смотреть на себя как на действующих лиц истории, “укрупняла” их в собственных глазах, приучала к сознанию собственного величия, и это не могло не сказаться на их политическом самосознании в дальнейшем» [Лотман 1994, с. 185].

Вернувшись в Россию, офицеры осознали, что для того чтобы быть «действующими лицами истории», следует учиться. Послевоенная эпоха – это эпоха повального увлечения молодых дворян науками. «Один меч, одна храбрость недостаточны для обороны государства... необходимо учение, необходимы книги», – утверждал начальник штаба Гвардейского корпуса Николай Сипягин [Грибовский 1817, с. 6].

Под руководством Сипягина и под патронажем корпусного командира Михаила Милорадовича при штабе корпуса в 1816 г. была образована библиотека, а при библиотеке – Общество военных людей. Цель же общества, по признанию одного из главных его деятелей Ивана Бурцова, «состояла в образовании молодых людей предпочтительно в военных науках» [Бурцов 2001, с. 190]. Адъютант Милорадовича Федор Глинка стал редактировать «Военный журнал». Глинка был убежден: для того чтобы быть «предводителем» или «сделаться достойным предводительства», следует читать книги «прилежно, неутомимо» [Глинка 1818, с. 35–36].

И обществу, и журналу покровительствовал сам император Александр.

Однако военными науками офицеры не ограничивались. «Поставляемо было в похвалу приобретение и прочих знаний», – констатировал Бурцов.

Столь же «прилежно» офицеры занимались науками политическими, слушали частные лекции известных профессоров. Тот же Бурцов, «подобно многим гвардейским офицерам, в свободные часы от службы... посещал профессоров Германа, Галича, Куницына, преподававших лекции о политических науках, и всемерно старался приобретать таковые знания» [Бурцов 2001, с. 190].

Матвей Муравьев-Апостол показывал, что в 1816 г. «слышал лекции политической экономии у профессора здешней академии господина Германа. Нас несколько человек собралось. Чтобы пройти сей курс, мы сделали подписку». Среди слушателей этих лекций он называл своего брата Сергея, Павла Пестеля, Сергея Трубецкого, Федора Глинку, Никиту Муравьева и некоторых других молодых офицеров. Евгений Оболенский, не воевавший, но охваченный тем же патриотическим порывом, показывал, что в 1819 г. «слушал лекции политической экономии у профессора Куницына». Оболенский рассказывал, что молодые офицеры после войны «большую часть свободного от службы времени проводили на лекциях или в занятиях дома» [Муравьев-Апостол 1950, с. 216; Оболенский 1925, с. 226, 251].

Бурцов пояснял, что учеба для офицеров не была самоцелью. «Приобретать политические знания» следовало для того, чтобы «по мере сил каждого» «распространять понятия о благодетельных намерениях его величества». «Смело могу сказать, что я готов был в точном смысле сделаться орудием правительства», – утверждал он [Бурцов 2001, с. 190].

«Благодетельные намерения правительства» – как они виделись молодым гвардейцам – состояли, прежде всего, в проведении радикальных реформ.

В том, что Россия нуждается в реформах, у офицеров сомнений не было. Сергей Муравьев-Апостол утверждал, что среди «последствий войны» – «введение представительного правления в некоторые государства, сочинения политические, беспрестанно являющиеся в сию эпоху и читаемые с жадностью молодежью, дух времени, наконец, обративший умы к наблюдению законов внутреннего устройства государств» [Муравьев-Апостол 1927, с. 273]. Иван Якушкин выражался точнее: «Пребывание во время похода за границей, вероятно, в первый раз обратило мое внимание на состав общественный в России и заставило видеть в нем недостатки» [Якушкин 1927, с. 44].

Положение, когда одни христианские души могли торговать другими христианскими душами, казалось невозможным для гуманной державы – победительницы Наполеона. «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало», – показывал на следствии по делу о «злоумышленных обществах» Павел Пестель. Ивану Якушкину «крепостное состояние людей» казалось

единственной преградой к «сближению всех сословий и вместе с сим общественному образованию в России» [Пестель 1927, с. 90; Якушкин 1927, с. 44]. В большинстве следственных дел арестованных впоследствии деятелей тайных обществ можно найти высказывания о «пагубности» крепостного права.

Императору Александру – и это прекрасно знали вернувшиеся с войны офицеры – тоже не были чужды антикрепостнические идеи. Речи о необходимости отмены крепостного права громко зазвучали в России задолго до войны, в 1801 г., когда Александр вступил на престол. Об этом говорили, в частности, на заседании Негласного комитета, пытавшегося подготовить для императора программу реформ. В 1803 г. Александр издал Указ о вольных хлебопашцах, разрешавший помещикам освобождать крестьян с землей за выкуп. Консерватор Александр Шишков, в 1812 г. занимавший должность государственного секретаря и в этой должности писавший и редактировавший императорский манифест об окончании войны, подчеркивал, что государь имеет «несчастное... предубеждение против крепостного права в России, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка» [Шишков 1870, с. 308].

Согласно мемуарным свидетельствам, от императора ждали, что он, «утвердив спокойствие всеобщим миром в Европе», займется «устройством внутреннего благоденствия вверенного провидением державе его пространного государства» [Трубецкой 1983, с. 217]. И поначалу император оправдывал надежды: в 1816 г. он отменил крепостное право в Эстляндии, еще через год – в Курляндии, а в 1819 г. – в Лифляндии.

Параллельно с обсуждением крестьянского вопроса шли разговоры о конституции, представительном правлении и реформе государственного управления. Некоторые довоенные планы удалось воплотить в жизнь: была проведена министерская реформа, образован Государственный совет. И хотя они не представляли собой чего-то принципиально нового, меняющего основы российского абсолютизма, «самый недальновидный человек понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут верх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная еще, в чем именно состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имевшие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право» [Рунич 1901, с. 355–356].

Неотвратимость наступления «новых порядков» после войны ощущалась особенно сильно. В 1815 г. Царство Польское, вошедшее по результатам Венского конгресса в состав Российской империи, получило конституционную хартию. Русский царь, согласно этому документу, объявлялся польским монархом и обязан был править в соответствии с хартией. При этом в Польше образовывался двухпалатный парламент; в 1818 г. он приступил к работе. Император, лично открывший заседание парламента, произнес знаменитую

речь, из которой следовало, что «законно-свободные учреждения» желательны распространить на всю Россию.

Эта речь породила у современников бурную реакцию: одни испугались будущих нововведений, другие были оскорблены тем, что конституцию получили поляки, воевавшие на стороне Наполеона. Третьи – и среди них вернувшиеся с войны молодые офицеры – горячо приветствовали начинания «Агамемнона». «Варшавские речи сильно отозвались в молодых сердцах: спят и видят конституцию», – писал Николай Карамзин [Письма Карамзина 1866, с. 236–237].

В показаниях декабристов восхищение «варшавской речью» императора стало общим местом. Так, по словам Бурцова, речь эта, «в коей изложено было высочайшее намерение распространить со временем и на Россию подобное образование гражданского управления», «много» усилила «общее стремление к снисканию сведений», которые «могли быть употребленными в исполнении общественных обязанностей» [Бурцов 2001, с. 190]. Пестель, «воздействуя» на только что вступивших в общество заговорщиков, тоже призывал их «достигнуть» «речь, произнесенную в Варшаве к представителям народным» [Комаров 2001, с. 394]. Никита Муравьев показывал, что «свободный образ мыслей» утвердился в нем благодаря речи «покойного государя императора к Сейму Царства Польского, в коей он объявлял свое намерение ввести представительное правление в Россию» [Муравьев 1925, с. 295].

Император на самом деле был уверен: «либеральные начала», к которым он относил и введение конституции, и отмену крепостного права, «одни могут служить основою счастья народов» [цит. по: Шильдер 1898, с. 40]. Высшие государственные деятели составляли такого рода проекты; большинство из них разрабатывалось тайно. После дарования конституции Польше началась работа над «Государственной уставной грамотой» – российским основным законом; слухи об этом быстро расползлись по России.

Иногда конституционные искания становились достоянием общественности: должностные лица и крупные душевладельцы выступали с речами, в которых – с большей или меньшей степенью радикализма – звучали призывы отменить крепостное право. Каждое такое выступление вызывало волну обсуждений и надежд в обществе.

Идеи учебы и помощи императору имели совершенно очевидные последствия для офицеров-реформаторов. Они, по справедливому замечанию В.М. Боковой, хотели видеть себя людьми – «в первую очередь», и только потом уже – офицерами [Бокова 2003, с. 212]. Соответственно, изменился и их внешний вид. По словам Федора Глинки, после войны,

*Окончив полевые драки,
Носили офицеры фракки.*

И даже когда офицеры не надевали фраков, соблюдать правила ношения форменной одежды они не желали. Пример показывали Милорадович и Сипягин: Андрей Розен, например, описывал в мемуарах беспорядок в одежде высших должностных лиц корпуса. Он писал: «Когда Н.М. Сипягин был начальником штаба, то он сам, и граф М.А. Милорадович, и Я.А. Потемкин, и вообще генералы-щеголи или франты, а за ними и офицеры носили зеленые перчатки и шляпу с поля». И вспоминал эпизод, когда, копируя поведение начальников, тоже оделся «против формы, по образцу тогдашнего щеголя»: «Под расстегнутым мундиром виден был белый жилет, шляпа надета была с поля, а на руках зеленые перчатки». На улице Розен встретил императора Александра: «Я остановился, смешался, потерялся, успел только повернуть поперек шляпу. Государь заметил мое смущение, улыбнулся и, погрозив мне пальцем, прошел и не сказал ни слова» [Розен 1984, с. 111].

Кроме того, между офицерами и солдатами еще на войне установились «добрые отношения»; после войны они только окрепли. «В Семеновском полку палка почти совсем уже была выведена из употребления. В других полках ротные командиры нашли возможность без нее обходиться. Про жестокости, какие бывали прежде, слышно было очень редко», – вспоминал Иван Якушкин [Муравьев-Апостол 1922, с. 42; Якушкин 2007, с. 24]. Офицерам было ясно: просвещение и палки – вещи между собою несовместимые.

«Эпоха тайных обществ»

Бурная общественная жизнь породила в среде молодых дворян желание найти единомышленников и обсуждать с ними текущие политические дела. Давно отмечено, что послевоенная эпоха в России – это «эпоха тайных обществ» [Бокова 2003]. Образовывались полковые артели, политические клубы, кружки, в которые, наряду с офицерами, вступали и их штатские единомышленники. Так, в 1815 г. образовалась артель в Семеновском полку, офицеры которого «сложились, чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе», а после обеда – обсуждать политические события и читать иностранную прессу [Якушкин 2007, с. 9]. В Генеральном штабе существовала Священная артель, «мыслящий кружок», участники которого беседовали «о предметах общественных» [Пушин 1988, с. 56], артель была и в гвардейском Измайловском полку. В Москве возникло Военное общество и т.п. Все они были тайными, однако «их “тайна” – только принятая форма собраний, – негласных, более или менее замкнутых, непубличных» [Пресняков 1925, с. 35]. Между тайным и антиправительственным объединением ставить знак равенства пока еще было невозможно.

В феврале 1816 г. (по показаниям Сергея Трубецкого – 9 февраля) в Петербурге был образован Союз спасения. Его основали шестеро молодых

гвардейцев, связанных между собою узами родства и фронтовой дружбы. Среди основателей – четыре представителя разветвленной и дружной семьи Муравьевых, «муравейника», как их называли в свете: Александр и Никита Муравьевы, Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы. При этом четверо – братья Муравьевы-Апостолы, Иван Якушкин и Сергей Трубецкой – служили на момент образования общества в гвардейском Семеновском полку, а еще двое – Александр и Никита Муравьевы – были гвардейскими квартирмейстерами.

М.В. Нечкина считала, что Союз спасения – «первая русская революционная организация... с которой и начинается в собственном смысле этого слова движение декабристов» [Нечкина 1955 а, с. 81]. Однако вряд ли в данном случае она права. В Союзе шли споры о том, что есть «благо России»: противодействие ли немцам на русской службе, «конституционное правление» или необходимость «даровать свободу крепостным крестьянам и для того пригласить большую часть дворянства к поданию о том просьбы государю императору» [Пестель 1927, с. 101].

Ни о каких конкретных «революционных действиях» Союза историкам не известно. «Похоже, что на практике, кроме споров вокруг устава, бурного обсуждения текущих политических дел и приема новых членов, Союз спасения ничем не ознаменовал своего существования», – справедливо утверждает В.М. Бокова [Бокова 2003, с. 263].

Однако Союз спасения – притом, что для власти он был абсолютно безопасен – стал первым, еще робким сигналом того, что власть теряет доверие мыслящего общества. Осенью 1817 г. возник – и сразу же был оставлен «московский заговор», когда молодые конспираторы решили убить императора в Москве.

Повод, в связи с которым возник цареубийственный план, заговорщики трактовали по-разному. Многие из них подтвердили на следствии, что план возник вследствие письма из Петербурга, от Сергея Трубецкого. В письме содержалась информация, что император намеревается присоединить к Царству Польскому часть бывшей польской территории и уехать со всем двором в Варшаву. Причины, по которым это было нужно императору, заговорщики запомнили по-разному. Никита Муравьев утверждал, что из Варшавы император собирался издать «манифест о вольности крепостных людей и крестьян», этот «манифест» мог сподвигнуть народ на применение оружия «противу дворян»; государь же, пользуясь «всеобщим смятением», «присоединит польские губернии ... к новому царству». Якушкин показывал, что государь таким образом «старается... привлечь к себе привязанность поляков, дабы иметь в них верную опору в случае сопротивления в России угнетениям, угрожающим ей при учреждении военных поселений и прочее». Трубецкой писал, что он действительно «полагал», что император вскорости объявит о присоединении «российско-польских провинций к Царству Польскому», а о других

«мнимых намерениях государя императора» ничего на следствии сказать не смог [Муравьев 1925, с. 306; Якушкин 1927, с. 52; Трубецкой 1925, с. 49].

Сначала заговорщики решили – для того чтобы выбрать из своих рядов цареубийцу – «бросить жребий». Иван Якушкин, согласно его собственным показаниям, вызвался сам, «не хотя подвергнуть себя жребию» и желая «пожертвовать собой, дабы спасти Россию от погибели». Против этого замысла высказался Сергей Муравьев-Апостол: «На другой день, обдумав неосновательное намерение наше и быв болен, я изложил на бумаге мое мнение, коим останавливал предпринятое действие, показывая скудость средств к достижению цели» [Якушкин 1927, с. 52–53; Муравьев-Апостол 1927, с. 256].

В итоге замысел был оставлен, император остался цел.

Дело было, конечно, не в том, что царь в 1817 г. решил переехать в Польшу, отдать Польше российские территории или специально спровоцировать в России крестьянский бунт. И не в том, что к 1817 г. он отказался от реформаторских замыслов; это произошло позже. Дело было в другом: молодые офицеры впервые поняли, что для реализации планов реформ они императору не нужны. И к реальной российской политике в государстве они – при всей своей учености и влюбленности в «Агамемнона» – никакого отношения иметь не будут.

Год спустя основатель Союза спасения Александр Муравьев получил возможность почувствовать на себе отношение императора к собственным антикрепостническим идеям. Возражая одному из «обскурантов», публично критиковавшему идею отмены крепостного права, но желавшему при этом конституции, он написал записку, которую сумел передать царю. В записке, между прочим, были такие слова: «Непостижимо, как можно с таким восхищением говорить о собрании представителей и в то же время оскорблять вольность и противиться сообщению мыслей!» [Муравьев 1986, с. 133].

Получив записку, монарх, согласно воспоминаниям Сергея Трубецкого, прочел ее и сказал: «Дурак! не в свое дело вмешался» [Трубецкой 1983, с. 223]. А в мае 1818 г. отвечавший за цензуру министр духовных дел и народного просвещения князь Александр Голицын предписал «обратить внимание» на «издаваемые журналы и другие сочинения, дабы в них ни под каким видом не было печатаемо ничего ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян, не только здешних, но и иностранных, ни вообще материй, касающихся до распоряжения правительства» [цит. по: Семевский 1888, с. 405].

Однако ни в 1817, ни в 1818 гг. разрыва молодых либералов и власти не произошло. В 1819 г. император благосклонно отреагировал на записку Николая Тургенева «Нечто о крепостном состоянии». Написанная в осторожных выражениях, она тем не менее хорошо передавала взгляды декабриста: «Не зная и не смея угадывать намерения правительства насчет общего освобождения»

дения крестьян, можно, однако же, быть уверену, что оно будет предпринимать все возможные по обстоятельствам меры к достижению сей благотворной цели. Дух справедливости, ознаменовавший наше правительство в глазах целой Европы, позволяет ожидать, что еще в настоящее царствование, столь славное многими победами, совершится славнейшая победа справедливости над несправедливостью, просвещения над варварством, света над тьмою». Кроме того, Тургенев в записке осуждал запрет на гласное обсуждение крестьянского вопроса: «Нет сомнения, что благонамеренные и пристойные суждения о предметах сего рода в журналах и в книгах могли бы принести великую пользу; вреда же никакого» [Тургенев 2001, с. 539, 550].

Александр поручил Милорадовичу «передать свое благоволение автору». При этом монарх пообещал – для облегчения участи крепостных – выбрать «самое лучшее из поданных ему записок по этому вопросу» [Шебунин 1925, с. 72].

В том же 1819 г. император благосклонно отнесся к стихотворению Пушкина «Деревня»:

*Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?*

Александр велел передать автору, что его стихи внушают «добрые чувства» [Жихарев 1989, с. 365].

«Споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия...»

Молодых дворян конца 1810-х годов делали союзниками власти не только императорские намерения отменить рабство и ввести конституцию. Серьезной поддержкой в обществе пользовалась религиозная политика, тесно связанная с политикой гуманитарной.

В конце 1812 г. в России было организовано Библейское общество – как отделение одноименной английской организации, в 1813 г. в него вступил сам император. Еще год спустя Библейское общество стало независимым и получило статус общероссийского. Официально декларируемая цель этой организации – перевод Библии на языки народов, населяющих Россию. Но, как видно по результатам многих исследований, деятельность Библейского общества оказалась гораздо шире декларируемой цели. Во главе этого общества стоял один из временщиков императора, князь Александр Голицын.

Время управления Голицыным Библейским обществом ознаменовано ожесточенными спорами о роли Церкви в Русском государстве и русском обществе. Князь был сторонником «универсального христианства», стирающего конфессиональные различия; пропагандируемая им «внутренняя церковь» допускала единение с Иисусом Христом, минуя церковь официальную [Флоровский 2006, с. 133]. Религиозные воззрения князя распространяли подчиненные ему преподаватели учебных заведений.

Начинания Библейского общества, безусловно, влияли и на развитие науки, в первую очередь языкознания. Согласно мнению А.Н. Пыпина, «непосредственный результат библейской деятельности – новые издания Библии, и в особенности издания на русском языке и переводы на различные инородческие наречия, во всяком случае, были явлением высокой важности в истории русского образования» [Пыпин 2000, с. 126–127].

Идеи взаимодействия религии и просвещения как раз и лежали в основе концепции образованного в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения, главой которого и был назначен Голицын. Это, по выражению современников, «сугубое» министерство подмяло под себя не только собственно ведомство просвещения, но и иностранные вероисповедания, и православный Синод, и периодические издания (за исключением нескольких ведомственных газет и журналов), и Академию наук, и вольные общества, и цензуру (через посредство цензуры – и литературу); «по совместительству» Голицын возглавлял и Почтовый департамент. На посту министра князь как мог развивал просвещение, учреждал школы и университеты: в частности, при нем был основан Санкт-Петербургский университет. С его санкции открывались новые периодические издания, выходили книги.

Исследователи спорят, была ли политика Голицына «протестантским проектом, глобальной попыткой Реформации сверху», «мессианско-эсхатологическим синтезом», «католической конверсией», «утопией общехристианского государства» или «христианским экуменизмом»¹. Кроме того, вызывают споры и политические воззрения князя. Так, М.Л. Майофис видит во главе Библейского общества либерала: по ее мнению, насаждавшаяся посредством этого общества «модель христианства» была орудием «либерализации режима и модернизации» [Майофис 2008, с. 292]. А.Г. Готовцева полагает, что «многие инициативы лично Голицына и возглавляемого им Министерства духовных дел и народного просвещения укладываются в проевропейский космополитический дискурс» [Готовцева 2018, с. 19].

А.Ю. Минаков, напротив, считает князя «деятелем с консервативной репутацией». Однако он уточняет, что «вариант консерватизма, который он

---

1. *Свод и анализ мнений о религиозной политике властей в первой четверти XIX в. см.: [Вишленкова 2002, с. 46, 99–100].*

отстаивал, существенно отличался от магистрального направления русского консерватизма, в основе которого лежали прежде всего православные ценности и патриотизм» [Минаков 2018, с. 146].

Впрочем, спор о взглядах Голицына и «направлении» Библейского общества и «сугубого» министерства – это всего лишь спор о терминах. Главным было другое: согласно Пыпину, Библейское общество было, по сути, общественной организацией. Согласно Пыпину, «действия общества проникли в слои жизни, до которых редко касались какие-нибудь подобные влияния; и для людей, не задававших себе никаких вопросов, проводивших жизнь по принятому обычаю и переставших что-нибудь думать о ней, такое возбуждение религиозно-нравственных вопросов все-таки могло быть шагом вперед как пробуждение из нравственной спячки» [Пыпин 2000, с. 126].

В годы деятельности Голицына в России выходили многочисленные журналы – и почти у каждого из них было свое лицо. И в журналах, и отдельными книгами печатались произведения Александра Пушкина, Василия Жуковского, Петра Вяземского, Евгения Баратынского. Министр искренне любил многих из своих беспокойных подчиненных, поддерживал при дворе Жуковского (о взаимоотношениях Голицына и Жуковского см., в частности: [Зорин 2001, с. 269–295]), помогал выкупу из крепостной неволи талантливого юноши Александра Никитенко, живо интересовался судьбой служившего рядовым в Финляндии Баратынского.

Президент Библейского общества одним из первых русских правителей понял силу общественного мнения и старался в своей деятельности опираться на это мнение. Более того, он зачастую сам инициировал ту или иную общественную инициативу. В частности, он пытался внедрить в отечественное образование ланкастерский метод взаимного обучения.

В 1816 г. император поручил Голицыну отправить «в Англию для изучения метода Ланкастера» четырех студентов столичного Педагогического института [Сборник постановлений 1875, с. 889] – и с этого момента Голицын стал яростным пропагандистом новой системы. Он лично наблюдал за обучением студентов и докладывал об их успехах императору, а в октябре 1817 г. организовал в Педагогическом институте специальное отделение «для образования учителей приходских и уездных» [Сборник постановлений 1875, с. 1020]. При Главном правлении училищ был создан особый комитет для учреждения училищ народного просвещения [Сборник постановлений 1875, с. 1286]. В 1818 г. ланкастерская школа была организована в Гвардейском корпусе, в январе 1819 г. возникло Общество для заведения училищ по методу взаимного обучения [Сборник постановлений 1875, с. 1230–1233]; в состав общества на разных этапах входили деятели тайных антиправительственных организаций.

* * *

В январе 1818 г. в Москве было организовано второе тайное декабристское общество – Союз благоденствия.

Историки долго спорили о том, что представлял из себя Союз благоденствия. Пыпин считал, что его основатели хотели «заявить о нем правительству и просить его содействия» [Пыпин 2001, с. 393]. Пыпину возражала Нечкина, ставившая знак равенства между тайным и революционным обществом. Она удивлялась, зачем общество – если оно преследовало вполне благонамеренные, легальные цели – «оставалось тайным» [Нечкина 1955 а, с. 186–187]. По ее мнению, этот союз, как и предыдущий, был организацией революционной.

Сегодня Союз благоденствия мало кто из историков считает революционной организацией. Самое многочисленное тайное общество в России 1820-х годов задумывалось вовсе не как собрание революционеров, стремящихся во что бы то ни стало убить царя и разрушить самодержавие. Между деятельностью этого союза и последующими событиями на Сенатской площади можно выявить лишь весьма условную связь. И это хорошо видно при анализе устава союза (см. о нем: [Пыпин 2001, с. 361–446; Дубровин 2009, с. 219–233; Чернов 1960, с. 1–45; Нечкина 1955 а, с. 185–212; Андреева 2009, с. 340–362] и др.).

Устав декларировал: целью союза было «споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена» [Устав 1951, с. 241–242]. Ничего, противоречащего «видам правительства», в союзе, согласно уставу, быть не могло: он создавался для того, чтобы обратить «собственную волю» частных людей «к цели правительства, к пользе *общей*». Устав гласил: «Всякий член имеет право учреждать или быть членом всякого рода правительством одобренных обществ. <...> Вступление же в такие общества, кои правительством не одобрены, членам союза воспрещается; ибо он, действуя к благу России и, следовательно, к цели правительства, не желает подвергнуться его подозрению» [Устав 1951, с. 240, 248–249].

Однако никто из исследователей не задавался вопросом: а какое именно «правительство» имеется в данном случае в виду: императора окружали разные люди, выражавшие разные мнения относительно происходивших в России и в Европе политических процессов. Понятно, что Союз благоденствия не мог быть создан для поддержки Аракчеева, начальствовавшего над канцелярией Комитета министров и тем самым имевшего непосредственное отношение к «правительству». Почти ничего не говорится в уставе и о военной сфере деятельности «правительства» – несмотря на то что многие члены союза были офицерами, а послевоенное положение армии оставляло желать лучшего.

Как известно, деятельность членов Союза благоденствия должна была охватывать «четыре главные отрасли»: «человеколюбие», «образование», «правосудие» и «общественное хозяйство». Две из них – «человеколюбие» и «образование» – дублировали деятельность возглавлявшихся князем Голицыным государственных и общественных организаций.

Как следует из текста устава, Союз благоденствия «вменял» себе в «святую обязанность» распространение «истинных правил нравственности и просвещения» [Устав 1951, с. 241–242].

И эта благая цель полностью согласовалась с целью Министерства духовных дел и народного просвещения. Согласно «Учреждению» этого министерства, оно как раз и должно было блюсти «истинное просвещение». Авторы «Учреждения» утверждали, что основанием такого просвещения должно быть «христианское благочестие» [Полное собрание 1830 с, с. 814]. Авторы устава тоже считали истинную веру необходимой принадлежностью «образования». Члены союза были обязаны «распространять истину» о том, что «человек не иначе, как с помощью веры, может преодолеть свои страсти, противостоять неприятным обстоятельствам и таким образом шествовать по пути добродетели» [Устав 1951, с. 265].

Устав признавал желательность вступления в ряды Союза благоденствия священников. Вполне в духе «внутренней церкви» Голицына, устав утверждал, что «вера наша состоит не в наружных только признаках, но в самых делах наших» [Устав 1951, с. 266]. Духовные особы, состоявшие в союзе, должны были «иметь надзор» за своими братьями, «вне союза состоящими», сообщать в союз «замечания свои насчет их поведения, дабы он мог споспешествовать трудам добродетельных и уничтожать козни порочных» [Устав 1951, с. 267].

Устав Союза благоденствия утверждал: под надзором этой организации должны были «находиться все без исключения народные учебные заведения» [Устав 1951, с. 243]. Однако «заведение и устройство училищ» было предметом деятельности входившего в министерство Департамента народного просвещения [Полное собрание 1830 с, с. 819]. Союз благоденствия должен был заниматься сочинением и переводом «книг, как хороших учебных, так и тех, кои служат к изяществу полезных наук» [Устав 1951, с. 244]. Однако составление учебных пособий тоже было прерогативой этого департамента.

Союз собирался «исправлять нравы» «изданием повременных сочинений, сообразных степени просвещения каждого сословия, сочинением и переводом книг, касающихся особенно до обязанностей человека» [Устав 1951, с. 243]. Но цензура, которую эти «сочинения» не могли миновать, опять-таки находилась в ведении Министерства просвещения.

Еще более показательны предполагаемые действия Союза благоденствия в сфере «человеколюбия». «Под надзором союза» должны были состоять,

согласно уставу, «все человеколюбивые заведения в государстве, как то: больницы, сиротские дома и т.п., также и места, где страждет человечество, как то: темницы, остроги и проч.» [Устав 1951, с. 243].

И это вполне согласовалось с деятельностью возглавлявшегося тем же Голицыным Императорского человеколюбивого общества и основанного им Попечительного общества о тюрьмах. Вообще членам союза предписывалось работать в тесном контакте с этими организациями, уговаривать «соотечественников к составлению человеколюбивых обществ и заведений» и вступать «во все, уже ныне существующие» [Устав 1951, с. 262].

Союз благоденствия собирался снабжать «праздношатающихся людей работами, стараясь помещать их сообразно их способностям и учреждая рабочие заведения, в которых бы упражняющиеся находили верное и безнуж[д]ное пропитание» [Устав 1951, с. 262]. Императорское же человеколюбивое общество старалось «выводить из состояния нищеты тех, кои трудами своими и промышленностью себя пропитать могут» [Полное собрание 1830 б, с. 938]. Человеколюбивое общество создавалось, в частности, «для призрения дряхлых, увечных, неизлечимых и вообще к работам не способных» [Полное собрание 1830 б, с. 939]; члены Союза благоденствия собирались «устраивать пристанища» «для таких, которые уже не в силах кормиться трудами своими» [Устав 1951, с. 262].

Конечно же, сфера деятельности союза – в той мере, в какой она была заявлена в уставе – была шире сферы деятельности голицынских организаций. В частности, по его «ведомству» не проходили две из четырех «отраслей» союза: «правосудие» и «общественное хозяйство». И если «общественное хозяйство» хоть в какой-то мере интересовало Голицына (в докладе об образовании Библейского общества утверждалось, что «чтение Священного Писания» благотворно влияет «на поощрение к промышленности» [Полное собрание 1830 а, с. 474]; доверенным лицом Голицына был министр финансов Дмитрий Гурьев), то «правосудием» князь, по-видимому, не интересовался вовсе.

Однако в реальности основная работа членов союза шла как раз в области литературы, просвещения, благотворительности и т.п. И можно, в принципе, представить себе, что авторы устава не понимали: коль скоро они собираются сотрудничать с правительством, вторгаясь в компетенцию Голицына, им придется иметь дело и с его министерством, и с ним самим.

Однако организовывая, к примеру, Общество для заведения училищ по методе взаимного обучения (1819), они не могли не знать, что это общество числилось подразделением Министерства духовных дел и народного просвещения [Месяцеслов 1820, с. 711]. По делам ланкастерского обучения члены общества тесно общались с министерскими чиновниками.

Таким же подразделением министерства было и Вольное общество любителей российской словесности, которое многие исследователи считали и считают «легальным» филиалом Союза благоденствия. Либеральные журналы 1820-х годов были наполнены славословием в адрес Голицына и Библейского общества.

Факты свидетельствуют о том, что роль Союза благоденствия в русском обществе 1820-х годов была, скорее всего, сходна с ролью Библейского общества. Библейское общество существовало для поддержки религиозных инициатив министра, Союз же благоденствия – для поддержки его просветительских и гуманитарных инициатив.

«Страшная картина несправедливостей...»

Политика императора в конце 1810-х годов была крайне непоследовательной. Образованные дворяне Александровской эпохи не могли не видеть, что параллельно с разговорами об отмене крепостного права, о конституции и либерализации церковной жизни набирает силу прямо противоположная тенденция: тенденция, говоря сегодняшним языком, «закручивания гаек».

Естественно, что гвардейская «вольница» привела к падению дисциплины в войсках. Официальные документы Гвардейского корпуса содержат немало сведений о дисциплинарных проступках офицеров. Они, стоя в карауле у городской заставы, могли забыть записать в списки выезжающих из города графа Аракчеева или морского министра маркиза де Траверсе, могли – «в фуражной шапке, в расстегнутом мундире, в рейтузах и без шпаги» – случайно попасться на глаза великому князю Николаю Павловичу, могли и просто быть «неисправными» в карауле «в экспедиции заготовления бумаг» и «у присутственных мест».

Далеко не все офицеры, говоря словами Федора Глинки, «перо и книгу брали в руки» и действовали «на поле мысли»; некоторые из них, «нарядясь в штатские фраки и сертуки», приставали к гуляющим по улицам женщинам, заводили скандалы и с ними, и с их мужьями. «И когда полиция вступалась с намерением отдалить нахала, то они сказывались, что они – офицеры гвардии, которых полиция не имела права брать» [РГВИА.Ф. 14664. Оп. 1. Д. 744. Л. 6 об., 32 об., 41 об., 176 и др.; Толстой 2001, с. 175–176].

Однако реакция императора и тех, кто исполнял его волю, была, мягко говоря, неадекватной. Власти не ограничивались наказанием конкретных виновных, они «подтягивали дисциплину» в масштабе всей гвардии и – шире – армии. В 1817 г. командиром Гвардейского корпуса – вместо Милорадовича – стал Илларион Васильчиков; впрочем, Милорадович остался столичным генерал-губернатором. В 1819 г. был переведен в армию Николай Сипягин,

его место занял Александр Бенкендорф. В том же году закрылся «Военный журнал».

Военный историк А.А. Керсновский писал, что после войны войска стала «засасывать» «вязкая трясина мелочей»: «Вальтрапы и ленчики, ремешки и хлястики, лацканы и этишкеты сделались их хлебом насущным», «в 1815–1817 годах не проходило месяца, чтобы не издавались новые правила и добавления к оным, усложнявшие и без того сложный... строевой устав. Замысловатые построения и перестроения сменялись еще более замысловатыми. Идеально марширующий строй уже не удовлетворял – требовались плывущие стены!». «Особенно тяжело пришлось гвардии, бывшей все время на глазах государя и становившейся в первую очередь объектом все этих жестоких нововведений», – констатировал Керсновский [Керсновский 2017, с. 298].

«Экзерцицмейстерская ловкость», которую требовали от солдат и офицеров, раздражала и обижала не только их. Недовольство сквозит и в письмах великого князя Константина, и в переписке генералов и офицеров, и в мемуарах.

Кроме того, в 1810 г. начался – в виде эксперимента – процесс введения в России военных поселений. В 1816–1817 гг. процесс этот стал необратимым. Про военные поселения написано много: послевоенный экономический кризис привел к тому, что содержание миллионной армии стало России не по карману, а демобилизация солдат – в условиях рекрутского набора – оказалась невозможной. Идея состояла в том, чтобы «поселить» солдат на землю, заставить их кормить самих себя, т.е. хотя бы отчасти сделать армию самокупаемой. Историки считают, что поселения «задумывались как специфический государственный институт, и их введение нужно рассматривать как серию мероприятий (пусть и паллиативных по своей сути), призванных сократить государственные расходы на армию, стабилизировать экономику страны», ликвидировать рекрутские наборы, «путем создания зажиточного военно-земледельческого сословия расширить социальную базу самодержавия» [Ячменихин 2006, с. 320]. Некоторые исследователи и вовсе усматривают в идее военных поселений часть «либерального модернизационного проекта» Александра I [Кондаурова 2009, с. 13].

Можно спорить, было ли в идее военных поселений здоровое зерно. Пестель, умный и дальновидный современник, прекрасный специалист в военном деле, например, утверждал, что государственные «выгоды» от поселений – «мнимые»: в военное время поселения не спасут страну от рекрутского набора, соединение военного и крестьянского сословий, оседлость солдат лишит армию «воинского духа». Кроме того, хотя поселения и давали возможность государству содержать армию «без особых на то издержек», поселенцы освобождались от «всякого вида податей» – а значит, государство вполне может оказаться в финансовом проигрыше. Поселения, по мнению Пестеля, пагубны и для государственной безопасности: поселенцы образуют вооруженное

«особое государство», живущее по своим законам, – «между тем, как остальное государство», в случае поселения всей армии, останется без всякой защиты.

«Одна мысль о военных поселениях... наполняет каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом. Сколько пало невинных жертв для пресыщения того неслыханного зловластия, которое с яростью мучило несчастные селения, для сего заведения отданные!.. И все сие для удовлетворения неистовому упрямству одного человека», – эмоционально утверждал Пестель [Пестель 1958, с. 161–162].

Вводя поселения, император не оглядывался на мнение подданных. Против такой формы организации армии выступали не только армейские оппозиционеры, но и крупные военачальники, в частности фельдмаршал Михаил Барклай де Толли. Император никого не слушал, он утверждал, что поселения «будут во что бы ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова» (цит. по: [Шильдер 1898, с. 26]). Во главе пехотных поселений встал Аракчеев, во главе кавалерийских – генерал Иосиф Витт.

Военные поселения оказались постоянным источником недовольства. Солдаты и поселенцы, которым объясняли «выгоды» нового устройства армии, «от всех этих несказанных благодеяний» приходили «в страх и онемелость» (цит. по: [Шильдер 1898, с. 32]). Летом 1817 г. происходили волнения в Бугском казачьем полку, поселяемом в Херсонской губернии; тот же Пестель, рассказывая на следствии о «московском заговоре», называл поводом к царевубийственному замыслу «известия» «о тех ужасах, которые якобы происходили в Новгородской губернии при введении военных поселений» [Пестель 1927, с. 112]. В 1819 г. вспыхнул и был жестоко подавлен бунт в Чугуевских поселениях. «Военные поселения представили мне страшную картину несправедливостей, притеснений, наружного обмана, низостей – все виды деспотизма», – показывал декабрист Гавриил Батеньков, много лет прослуживший под началом Аракчеева [Батеньков 1976, с. 95].

В 1819 г. началось растянувшееся на несколько лет «университетское дело»; первой жертвой пал Казанский университет. Проведенная Михаилом Магницким, членом Главного правления училищ при Министерстве духовных дел и народного просвещения, ревизия заклеяна в большинстве мемуаров и исследований. Так, например, М.В. Нечкина утверждала, что Магницкий «учинил в университете настоящий разгром», а С.В. Мироненко видел в ревизии начало широкого «наступления на университеты» [Нечкина 1955 а, с. 279; Мироненко 1989, с. 210–211]. В современной исследовательской литературе делаются попытки взглянуть на эту ревизию по-другому, доказать, что в деятельности университета были «несомненные вопиющие недостатки, злоупотребления и должностные преступления» – и именно с ними в первую очередь боролся Магницкий. После ревизии Магницкий был назначен попечителем Казанского учебного округа.

Но даже соглашаясь с необходимостью этой ревизии и «исправления недостатков», нельзя не увидеть в ее последствиях торжества «обскурантизма»: «решено было ввести преподавание богопознания и христианского учения, уволить “ненадежных” профессоров, учредить должность директора для экономической, полицейской и нравственной части, преобразовать гимназию и главное народное училище». Преподавание в университете стало вестись исключительно в соответствии с «духом Святого Евангелия», причем с этим «духом» следовало согласовывать все дисциплины: физику, историю, астрономии, словесность.

А.Ю. Минаков предпринимает детальный разбор инструкции директору Казанского университета, которую Магницкий подписал в январе 1820 г. Согласно этой инструкции, в преподавании философии нужно было следовать утверждению, что «все то, что не согласно с разумом Священного Писания, есть заблуждение и ложь». Правоведение должно доказывать, что «правление монархическое есть древнейшее и установлено самим Богом», «профессора физики, естественной истории и астрономии, согласно инструкции, обязаны были “указать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания непрестанно окружающих нас чудес”», а на занятиях по истории студенты должны были усвоить, что «Отечество наше в истинном просвещении упредило многие современные государства», а доказать это следует «распоряжениями по части учебной и духовной Владимира Мономаха» [Минаков 2018, с. 153–155].

* * *

Между тем «кипящий слой» молодых офицеров, сконцентрировавшийся после войны в столице, начал растекаться по России. Первым активным участником Союза спасения и Союза благоденствия, кто по долгу службы уехал из столицы в провинцию, был Пестель. От остальных молодых офицеров Пестеля отличали талант политического лидера, серьезные познания в политических науках, решительность и радикализм взглядов.

Пестель покинул Петербург в начале 1817 г. Генерал от кавалерии граф Петр Витгенштейн, у которого он служил адъютантом, получил назначение командовать 1-м пехотным корпусом со штабом в Митаве. Там Пестель попробовал завести тайное общество, но потерпел неудачу.

В мае 1818 г. Пестель, уже штабс-ротмистр, сопровождая назначенного главнокомандующим 2-й армией Витгенштейна, появился в Тульчине, месте дислокации армейского штаба. Здесь его действия были удачнее: ему практически сразу же удалось собрать вокруг себя штабную молодежь. Сам Пестель был уверен, что завел в Тульчине управу Союза благоденствия. В.М. Бокова же склонна считать тех, кто сгруппировался вокруг Пестеля, отдельной орга-

низацией, которую она называет «тульчинское офицерское общество» [Бок ова 2003, с. 101]. Через год во 2-й армии появился новый начальник штаба – Павел Киселев, а с ним в Тульчин приехал его адъютант, капитан Гвардейского генерального штаба Иван Бурцов – как и Пестель, признанный лидер Союза благоденствия. Бурцов тоже стал руководителем «офицерского общества».

И вне зависимости от наличия или отсутствия у этого общества формальных связей с Союзом благоденствия, Пестель и Бурцов принесли на юг тот образ действий, к которому привыкли в столице. Декабрист Николай Басаргин вспоминал, что у общества было «серьезное» направление: штабные офицеры старались «употребить свободное от службы время на умственное свое образование». Собираясь вместе, они «отдавали друг другу отчет в том, что делали, читали, думали», а также «толковали о современных событиях и вопросах» или об «отвлеченных предметах». Слова Басаргина подтверждал Иван Якушкин: «В Тульчине члены тайного общества, не опасаясь никакого особенного над собою надзора, свободно и почти ежедневно сообщались между собой и тем самым не давали ослабевать друг другу» [Басаргин 1988, с. 51, 58–59; Якушкин 2007, с. 36].

Радикализация – и в Петербурге, и на юге – началась в 1820 г. В начале года, сопровождая Витгенштейна, Пестель приехал в Петербург и настоял на сборе Коренной думы Союза благоденствия и гласном обсуждении вопроса о будущем России.

На следствии Пестель показывал, что на одном из заседаний – на квартире Федора Глинки – он изложил «все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правлений с тем, чтобы потом каждый член объявлял свои суждения и свои мнения». После этого, судя по его показаниям, произошло формальное голосование «таким образом, чтобы каждой член говорил, чего он желает: монарха или президента». Голосуя, каждый присутствующий должен был объяснять свой выбор, а когда дело дошло до Николая Тургенева, «он сказал по-французски: *Le president – sans phrases*; т.е.: президент без дальних толков». «В заключение приняли все единогласно республиканское правление». И только один Федор Глинка не согласился с республикой, предлагая передать престол жене Александра, императрице Елизавете Алексеевне. Пестель настаивал на том, что именно с этого момента целью Союза благоденствия стала ликвидация русской монархии [Пестель 1927, с. 101–102].

Версию Пестеля подтвердил участвовавший в этих заседаниях Сергей Муравьев-Апостол. Он рассказал и о следующем совещании, «если не ошибаюсь, на квартире у [Ивана] Шипова, в казармах Преображенского полка». Тут снова «было говорено о цареубийстве», причем главным сторонником этой меры оказался Никита Муравьев. «Говоря о средствах ввести в Россию

народное правление», он «коснулся до необходимости смерти тогда царствующего государя», однако не все присутствующие поддержали его – и заседание кончилось «большим спором» [Муравьев-Апостол 1927, с. 291]. Никита Муравьев, подтверждая факт обоих совещаний, показал тем не менее, что собрание у Глинки не имело «никакого влияния на последующие соображения членов». При этом он подтвердил, что на втором заседании согласился с предложением Пестеля о царубийстве – хотя «собрание разошлось, ничего не постановив» [Муравьев 1925, с. 311–312].

Другие участники заседаний опровергали на следствии эти показания. Глинка показывал, что «торжественного и важного заседания, где трактовали о правлении для России», не было [Глинка 2001, с. 103]. Иван Шипов объективно отвечал, что решение Коренной думы ввести в России представительное правление ему «показалось бы нелепым и здравому смыслу противным» [Шипов 2001, с. 428].

И вне зависимости от того, кто говорил на следствии правду: Пестель или Глинка, было или не было проведено формальное голосование о будущем государственном устройстве России, стало или не стало это решение обязательным для всех членов Союза благоденствия, сама возможность таких обсуждений говорит о том, что идея помощи монарху в деле преобразования России дала серьезный сбой. И чем сильнее власть «закручивала гайки», тем глубже оказывалась трещина между ней и мыслящей частью общества.

«Vivere in sperando, morire in cacando»

Особняком среди событий конца 1810 – начала 1820-х годов стоит Семеновская история.

В ночь с 16 на 17 октября 1820 г. солдаты 1-й гренадерской, «государевой» роты лейб-гвардии Семеновского полка самовольно собрались на переключку и заявили о желании принести жалобу на полкового командира, полковника Федора Шварца. На следующий день рота была отправлена в Петропавловскую крепость. За товарищей вступились солдаты других рот, уговоры ротных и батальонных командиров, как и руководства Гвардейского корпуса и военных властей столицы, не помогли – и 18 октября весь полк оказался под арестом.

О том, чем была эта «история», сразу же сформировались противоположные мнения. Так, император Александр I, находившийся в тот момент в Троппау, на конгрессе Священного союза, писал своему временщику графу Аракчееву, что «никто на свете» не убедит его, «чтобы сие происшествие было вымыслено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с оными полковника Шварца. <...> Внушение, кажется, было не военное, ибо военный умел бы их заставить взяться за ружье. <...>

Вопрос возникает: какое же? Сие трудно решить; признаюсь, что я его приписываю тайным обществам, которые, по доказательствам, которые мы имеем, в сообщениях между собою, и коим весьма неприятна наша работа в Троппау. Цель возмущения, кажется, была испугать» (цит. по: [Богданович 1871, с. 515]).

Мнение императора вроде бы можно подтвердить фактами: в столице нашли анонимные прокламации, обращенные, в частности, к солдатам Преображенского полка. Автор или авторы прокламаций призывали последовать примеру семеновцев, восстать, взять «под крепкую стражу» царя и дворян. И «между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата солдата и поклясться умереть за спасение оных» (текст прокламаций см.: [Семевский 1907, с. 83–86, 92–93; Лапин 1991, с. 150–153]). Однако вскоре выяснилось, что ни солдаты, ни офицеры полка к этим прокламациям отношения не имели. А связь происшествия с какими бы то ни было тайными обществами следователи найти так и не смогли.

Другая версия произошедшего, ставшая общим местом в рассуждениях о причинах «истории», состоит в том, что Шварц был патологическим садистом, мучившим солдат. Дежурный генерал Главного штаба Арсений Закревский утверждал в письме к начальнику штаба, князю Петру Волконскому: «Сему есть не иная причина, как совершенное остервенение противу полковника Шварца, и других побочных причин совершенно никаких нет» [Сборник 1890, с. 109].

Автор полковой истории П.П. Карцов, ссылаясь на материалы полкового следствия, утверждал, что солдаты, недовольные командиром, только ждали повода, чтобы выразить свое негодование. И такой повод представился: «Во время ученья 16 октября 1820 г., когда не был еще сведен полк и роты учились отдельно, 2-я рота, кончив ружейные приемы, стояла вольно. Ротный командир, увидя приближавшегося полковника, командовал: “Смирно!” При этом один из рядовых, исполнявший естественную надобность, стал во фронт, не успев застегнуть мундир. Тогда Шварц “подбежав к нему, плюнул ему в глаза, потом взял за руку и, проводя по фронту передней шеренги, приказывал рядовым на него, Бойченку, плевать. Сверх того, некоторых из нижних чинов, имеющих знаки отличия военного ордена, он наказал тесаками”» [Карцов 1883 b, с. 85].

М.И. Богданович утверждал: «Полковник Шварц соединял в себе грубое невежество с необыкновенною вспыльчивостью и крутым характером. Он ничего не знал, кроме фронта, зато перед фронтом он являлся в виде фанатика. На ученьях он выходил из себя, бранился, ревел диким голосом, бросал шляпу оземь, топтал ее ногами; нередко случалось ему ложиться на землю, чтобы лучше видеть, хорошо ли на марше солдаты вытягивают носки – “игру носков”, как выражался сам Шварц. <...> Не проходило в полку ни одного учения

без палок, не довольствуясь тем, Шварц бил солдат своеручно, дергал их за усы, заставлял их плевать в лицо один другому и томил беспрестанными учениями даже в воскресные дни и праздники» [Богданович 1871, с. 491–492]. В русле рассказов о «зверствах» Шварца написана и книга В.А. Лапина [Лапин 1991].

Конечно, Шварц был жестким и даже жестоким командиром, не сумевшим снискать уважение ни офицеров, ни солдат. Но, по-видимому, рассказы о его садизме преувеличены. До Семеновского Шварц четыре года командовал Екатеринославским гренадерским и три месяца – Лейб-гренадерским полком. Ни о каких его особых «зверствах» в этих полках сведений нет.

Рассказы об этом вполне могли быть плодом договоренности: 1-й батальон полка оказался в Петропавловской крепости, солдат двух других батальонов в итоге отвели в Свеаборг и Кексгольм. Естественно, на время следствия солдаты не были изолированы ни друг от друга, ни от своих офицеров – и, соответственно, могли сочинять и подтверждать какие угодно версии. Но даже в том случае, если все в этих рассказах – правда, вряд ли именно эти «зверства» стали причиной «истории». Тот же рядовой Бойченко, на которого Шварц велел плевать, служил во 2-й фузilierной роте, а первой заявила о «неудовольствии» 1-я гренадерская рота.

Еще одно – наиболее спокойное и взвешенное – мнение высказали двое современников событий, отставной полковник Семеновского полка Дмитрий Ермолаев и командир 3-й фузilierной роты капитан Сергей Муравьев-Апостол. Ермолаев из-за личного конфликта со Шварцем вышел в отставку незадолго перед «историей», а Муравьев-Апостол, напротив, активно в этой «истории» действовал. Капитан пытался удержать свою роту от участия в беспорядках, но не преуспел в этом. 19 октября, на следующий день после событий, они написали письмо своему приятелю, штабс-капитану Ивану Щербатову, командиру 1-й фузilierной роты, находившемуся в отпуске в Москве.

Несмотря на неповиновение, солдаты, по словам авторов письма, были готовы «служить государю до последней капли крови». Преданными слугами престолу показали себя и офицеры: «Мы не могли остановить зло, и кто бы его остановил; но ежели люди не предались беспорядкам, обыкновенно сопровождающим подобные случаи», то «сему обязаны офицерам, которые от них не отходили и держали их в некотором повиновении».

Ермолаев и Муравьев-Апостол усматривали истоки солдатского гнева в том, что Шварц не давал своим подчиненным «воскресенье на отдых», «всякий божий день требовал десятки», т.е. по десяти солдат от роты для учения, а «по воскресеньям делал батальонные церковные парады» – «вместо того, чтобы водить в церковь». Солдаты сетовали, что «им нет покоя ни дня,

ни ночи и что они все распродали до последней рубашки, чтоб чиститься» [Письмо 2006, с. 260–263].

Причины событий в полку были, по-видимому, столь же далеки от «зверств», сколь и от привнесенных извне либеральных идей. Солдаты были недовольны тем, что полковой командир, добиваясь от них парадной «экзерцицимейстерской ловкости», отнимал их законное свободное время, в том числе время на отдых и на заработки, и при этом требовал, чтобы пришедшую в негодность амуницию солдаты чинили за свой счет. Формальная вина роты состояла, по мнению Карцова, только в «неповиновении фельдфебелю, приказавшему людям разойтись, чего они не исполнили, равно как и в том, что жалоба принесена была в совершенно неуместную пору» [Карцов 1883 а, с. 700].

Виноватыми в том, что неправильным образом поданная бытовая жалоба переросла в «историю», были прежде всего военные власти столицы – и конкретно командир Гвардейского корпуса Илларион Васильчиков, отдавший приказ арестовать «государеву роту». Николай Тургенев справедливо отмечал в дневнике: «Главная ошибка состояла в том, что первую роту посадили в крепость. Прочие не хотели ни к чему приступить без сей роты и требовали ее с ними соединения. В течение сих двух дней Василь[чиков] и генералы сидят в Главном штабе и советуются. <...> Едва ли из мухи эти господа не сделали слона! Кто же виноват, что они не знали, что делать?» [Тургенев 1921, с. 245].

Об этом же можно прочесть, например, в письмах современников: «Наш корпусной [командир] Васильчиков себя замарал, потерялся и струсил, из мухи сделал слона», «Васильчиков в сей истории вел себя как нельзя хуже, потерялся совершенно и выслал против людей невооруженных заряженную конную артиллерию, конногвардию, пехоту с боевыми патронами. Полки драгунский и уланский прискакали сюда во весь карьер из Петербурга и Стрельны. Словом сказать, навели всеобщий ужас на горожан и сделали из мухи слона. Вся столица принимает большое участие в семеновцах и негодует на начальников, кои везде соблюдают только личные свои выгоды...» (цит. по: [Лапин 1991, с. 191]).

Подобный отзыв читаем в мемуарах декабриста Андрея Розена, служившего в 1820 г. в гвардии: Васильчиков ошибся, «сделав из мухи слона. Всякий начальник впадет в ту же ошибку, если будет действовать по внушению или страсти своей или под влиянием напрасных опасений или предубеждений, – тогда все устрашены были карбонаризмом. Когда есть закон и суд, то они должны были разобрать жалобу этих недовольных, требовать к допросу не массу, а уполномоченных, выслушав показания свидетелей, и дело было бы окончено правильно, тихо и спокойно» [Розен 1984, с. 75].

Семеновская же история окончилась плачевно: полк был раскассирован. Шварц, приговоренный к смертной казни, был в итоге отправлен в отставку. Некоторые особо активные солдаты были подвергнуты телесному наказанию и сосланы в Сибирь. Других перевели в Оренбургский, Сибирский и Кавказский корпуса и в полки 1-й армии. Офицеров тоже перевели в армейские полки – без права отпуска и отставки. Четырех из них, в том числе отставного полковника Ермолаева и штабс-капитана Щербатова, судили отдельно – и суд продолжался до февраля 1826 г.

Естественно, отправив офицеров в армию, власть нанесла им тяжелое оскорбление: наказали даже тех, кто, будучи ни в чем не виновны, пытались удержать солдат от неповиновения. В этом смысле показательна биография Сергея Муравьева-Апостола. Современник вспоминал: «В первой половине ноября (1820 г. – *О. К.*), шедши пешком по Гороховой улице, встретил я Сергея Муравьева с каким-то однополчанином. “Что с вами? – спросил я его, – мне кажется, вы нездоровы”. – “Нет, здоров, – отвечал он, – только не весел: радоваться нечему”. – “И полноте, – сказал я, – скоро царь придет; он не даст детей своих в обиду; потерпите, надейтесь”. Грустно взглянув на меня, промолвил он: “*Vivere in sperando, mori in casando*”², – поклонился и пошел далее. Боюсь, сказал я себе, что он что-то недоброе замышляет» [Вигель 2003, с. 979].

Боевой офицер, участник Союза спасения и Союза благоденствия, в 1817 г. письменно высказавшийся против царевубийства, один из тех, кто, «окончив полевые драки», надел фрак и взял в руки «перо и книгу», Сергей Муравьев-Апостол был наказан без вины. Не по своей воле он попал в армейский полк – и вокруг него, как до того вокруг Пестеля, быстро сформировался кружок недовольных властью офицеров. В 1820 г. он ничего криминального не «замышлял», но спустя два с небольшим года проголосовал за царевубийство, а спустя пять лет поднял не мифический, а вполне реальный военный мятеж и – в результате – окончил свои дни на виселице.

* * *

Многие исследователи склонны объяснять «консервативный поворот» в политике императора Александра осложнениями во внешней политике.

В марте 1819 г. в немецком Мангейме студент Карл Занд убил русского подданного, немца Августа Коцебу. Это убийство было во многом символическим; удар кинжала предназначался правителю России, в котором немецкие студенты видели противника объединения Германии.

---

2. «Жить в надежде, умереть в дерьме» (*ит.*).

В начале 1820 г. подполковник испанской армии Рафаэль Риго поднял военный мятеж против короля Фердинанда VII, восставшие дошли до Мадрида, король был вынужден вернуть отмененную в 1814 г. конституцию. Вскоре вспыхнули революции и в других европейских странах. В августе на сессии польского Сейма, император заявил, что «дух зла покушается водворить снова свое бедственное владычество; он уже парит над частью Европы, уже накапливает злодеяния и пагубные события» (цит. по: [Шильдер 1898, с. 179]). Семеновская история казалась императору логичным звеном в цепи начинавшегося революционного брожения в Европе.

В ноябре 1820 г., на конгрессе Священного союза в Троппау, был подписан протокол, дающий право австрийскому, русскому и прусскому монархам осуществлять интервенцию в случае революции в одной из стран. «Когда государства, где совершились подобные (революционные. – *О. К.*) перемены, будут грозить соседним странам явной опасностью, и когда союзные державы могут оказать на них действительное и благодетельное влияние, в таком случае они употребляют для возвращения первых в недра союза: сначала дружеские увещания, а потом и принудительные меры, если употребление силы окажется необходимо» [Пичет 1912, с. 72–73].

Однако только поступком Занда и европейскими революциями объяснить внутривосточное поведение Александра сложно: постепенный поворот к «реакции» начался в России до этих событий. После них процесс просто пошел быстрее: например усилилось давление на университеты. В 1820 г. была запрещена книга Александра Куницына «Право естественное», поскольку в ней обнаружили «ложные начала» и «вредное учение», противоречащее «истинам христианства и клонящимся к ниспровержению всех святейших семейственных и государственных». В феврале 1821 г. Куницына изгнали и из Санкт-Петербургского университета, и из Царскосельского лицея (цит. по: [Кобеко 1911, с. 157]).

В конце того же года последовало «дело профессоров», инспирированное попечителем Санкт-Петербургского учебного округа Дмитрием Руничем. В ходе этого дела пострадал, в частности, Карл Герман: его книги были запрещены. Запрещено было и публичное преподавание, поскольку в лекциях профессора обнаружили «зловредные правила» – «в отношении к нравственности, образу мыслей и духу учащихся и благосостоянию всеобщему» ([Санкт-Петербургский университет 1919, с. 148]; см. подробнее: [Жуковская 2019, с. 96–111]).

Естественно, общественное мнение было на стороне изгнанных профессоров. Один из них, Константин Арсеньев, вспоминал впоследствии, что Рунича, Магницкого и их «сателлитов» «огласили везде обскурантами, гасильниками просвещения», а тех, кто покинул университет, «величали мучениками за науку и за правду» [Пекарский 1872, с. 35].

Тогда же была готова «Государственная уставная грамота», однако император не ввел ее в действие.

1820 год разделил послевоенную эпоху на «до» и «после». Точка невозврата была пройдена: от влюбленности в «Агамемнона» через шесть лет после возвращения российских войск с войны не осталось и следа.

Собственно, к началу 1820-х годов у молодых ветеранов Отечественной войны было три варианта построения собственных биографий. Первый – смириться с положением винтика в военной машине России, забыть о вчерашней кипучей деятельности и терпеливо выслуживать ордена и чины. Второй вариант предполагал отставку и «чтение книг» в деревне. Третий вариант – это вариант радикального реформаторства, подразумевавший попытку сломать сословный строй и построить новую Россию на принципах равенства и закона.

«Le premier acte de la révolution»

Н.К. Шильдер вынес суровый приговор послевоенной Александровской России: «Спрашивается, что же представилось взорам русских победителей, освободивших Европу, при возвращении их в отечество: полнейшее неуважение к правам личности, насильственное введение чудовищных военных поселений, подвиги Магницкого и других сходных с ним деятелей по народному просвещению, наконец полный расцвет крепостного права. Сверх всего этого, утонченные требования, господствовавшие тогда по фронтовой службе, довершали среди военных развитие общего неудовольствия. Поэтому несколько не удивительно, что бедствия, тяготевшие тогда над русским народом, нашли в себе сочувственный отклик в сердцах людей, охваченных в ту пору сильным патриотическим воодушевлением.

Естественным последствием этой нерадостной обстановки русской жизни явился скрытый протест, приведший к учреждению тайных обществ ввиду отсутствия, при тогдашней полной безгласности, возможности политических суждений с ведома правительства. Таким образом совершилось замечательное явление: с одной стороны, русская общественная мысль искала себе исхода и разрешения томивших ее вопросов, а с другой – император Александр, разочаровавшись в прежних политических идеалах и став во главе европейской реакции, сделался неожиданно поборником стремлений, не имевших ничего общего с теми мыслями, представителем которых он являлся в лучшую пору своей жизни. Это обстоятельство вызвало во внутренней жизни России перелом, незаметно подготовивший почву для событий, небывалых дотоле в русской истории. <...> Офицерские кружки, в которых велись беседы о язвах России, о закоснелости народа, о тягостном положении солдата,

о равнодушии общества к отечественным делам, незаметно превратились в организованные тайные общества» [Шильдер 1898, с. 216].

В конце 1820 – начале 1821 г. в деятельности тайных обществ наступает бурный период.

На юге, в Тульчине, шли споры о методах действия тайных обществ. Вернувшийся из столицы Пестель столкнулся с сопротивлением со стороны другого лидера «тульчинской молодежи» – Ивана Бурцова. Суть спора, согласно показаниям Бурцова, заключалась в следующем: Пестель «утверждал, что для образования нравов нужны века, но надлежало исправить правление, от коего уже и нравы исправятся». Сам же Бурцов «непоколебимо оставался в прежних правилах и почитал за великое счастье, если бы в течение своей жизни хотя на одну каплю успел улучшить в своем малом кругу действия» [Бурцов 2001, с. 195–196]. В этих спорах – развилка истории российского заговора: если бы победил Бурцов и его сторонники, если бы им удалось оттеснить Пестеля от руководства тайным обществом, история пошла бы, вероятно, по другому пути.

Однако победа сторонников «малого круга действия» после 1820 г. уже вряд ли была возможна.

В начале 1821 г. на знаменитом Московском съезде Союз благоденствия был распущен. Известно, что решение о роспуске было фиктивным: следовало избавиться и от полицейского надзора, активизировавшегося после Семеновской истории, и от радикально настроенного Пестеля. Однако Пестель, не присутствовавший на съезде, с его решением не согласился. Собрав верных себе штабных офицеров, он спросил, имели ли право «собравшиеся в Москве члены... разрушать общество, и согласны ли мы его продолжить?» Естественно, присутствующие постановили, что «без дальнейших размышлений желают сохранить прежний состав». После этого Пестель объяснил собравшимся, что средством для введения в России «нового порядка вещей» должна стать «смерть блаженной памяти государя императора Александра Павловича» [Барятинский 1953, с. 279].

Бурцов, присутствовавший на Московском съезде и голосовавший за роспуск союза, прекратил свое членство в обществе. Пестель же, единолично возглавивший южных заговорщиков, не считал, что возникло новое общество; по его мнению, продолжал существовать «Южный округ Союза благоденствия» [Пестель 1927, с. 105]. В 1822 г. последовал императорский указ о запрещении тайных обществ. Однако общеизвестно, что цели указ не достиг: тайные общества ушли «окончательно в подполье» – и «Южный округ» продолжил свое существование [Пресняков 1925, с. 35].

Естественно, что общество Пестеля, получившее на следствии название Южного, не было единой монолитной организацией. Участники общества конфликтовали между собой, делали карьеры, занимались домашними делами,

сомневались в правильности избранного пути, уходили в тень, потом опять возвращались – или не возвращались – к активной деятельности. Сам Пестель тоже колебался и сомневался: его посещали идеи отъезда за границу, он собирался «принести государю свою повинную голову» и рассказать о тайном обществе, чтобы тем самым заставить Александра I вернуться к идее преобразований [Волконский 1991, с. 371; Лорер 1984, с. 74].

Но сомнения и колебания не отменяют того очевидного факта, что в январе 1823 г., на совещании главных членов Южного общества, произошло голосование за республику – и теперь это был не просто неформальный разговор. Несколько месяцев спустя все руководители общества согласились и с идеей «истребления» императора; «несогласия» и споры теперь вызывал вопрос о судьбе других членов «фамилии». Возникла идея «обреченного отряда» – особой группы цареубийц, формально не входящих в тайное общество. Убийство монарха Пестель называл «le premier acte de la révolution», т.е. первым актом революции [Муравьев-Апостол 1950, с. 254].

Согласились участники общества и с основными положениями «Русской правды» – написанного Пестелем проекта послереволюционного российского законодательства. «Гражданские общества, а следовательно, и государства составлены для возможно большего благоденствия всех и каждого, а не для блага некоторых за устранением большинства людей. <...> Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тяготы, нераздельные с государственным устройством. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть пред законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным», – гласил этот документ [Пестель 1958, с. 152].

Южный заговор охватывал большую территорию Украины и Бессарабии, где были расквартированы части 1-й и 2-й армий. В нем состояли генерал-майор князь Сергей Волконский, генерал-интендант Алексей Юшневский, несколько полковых командиров, пехотные и кавалерийские офицеры, офицеры квартирмейстерской службы, штабные чиновники 2-й армии. В курсе деятельности заговорщиков был начальник штаба 2-й армии генерал-майор Павел Киселев, среди заговорщиков – сын главнокомандующего ротмистр Лев Витгенштейн.

С вербовкой офицеров в тайное общество проблем не возникало: ситуация в армейских частях была принципиально не такой, как в гвардии.

Многие армейские офицеры, отпрыски бедных дворянских родов, тоже прошли войну и заграничные походы, тоже смотрели на себя как на «действующих лиц истории» и тоже мечтали преобразовать «любезное отечество». Но у них не было возможности учиться, нанимая для этого столичных

профессоров, вступать в тайные общества, предлагать свои услуги правительству. О новых книгах и свежих газетах приходилось только мечтать.

Жизнь провинциальных офицеров была серой и скучной: фронтные учения занимали почти все время, а редкие часы отдыха офицеры проводили за игрой в карты, в попойках и ухаживаниях за дочерьми соседей-помещиков. Исследователи многократно описывали «беспросветную атмосферу скуки и однообразия жизни провинциальных гарнизонов и далекие от уставных требований и столичных образцов методы несения воинской службы» [Гордин 1997, с. 27].

В армии, как и в гвардии, бывали всякого рода «истории» и нарушения дисциплины. Однако полковые «истории» мало напоминали Семеновскую, с благородными солдатами, верноподданически просившими избавить их от Шварца, и благородными офицерами, уговаривавшими солдат сохранять дисциплину. События в полках красноречиво свидетельствуют о жестоких нравах, царивших в послевоенной армии.

Так, в Одесском пехотном полку избранный по жребию офицер из числа недовольных полковым командиром избил его на дивизионном смотре перед строем [Басаргин 1988, с. 63–64]. Подобное же происшествие было и в Нарвском драгунском полку [Нечкина 1955 b, с. 19].

Поручик Пензенского пехотного полка Игнатий Ракуза, «быв пьян», отказался исполнять приказ батальонного командира, а на следствии сообщил, что «якобы он его в сенях канцелярии и потом на улице бил рукою по лицу, чего свидетелями не доказано» [РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 432. Л. 35 об.–36]. В Полтавском пехотном полку штабс-капитан Дмитрий Грохольский отпускал «дерзкие грубости» в адрес батальонного командира майора Дурново; «история» закончилась банальной дракой между Дурново и вставшими на сторону Грохольского двумя офицерами того же полка [РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 313].

Поведение Кондратия Рылеева, до 1819 г. служившего прапорщиком в 12-й конно-артиллерийской роте 1-й резервной артиллерийской бригады, в годы службы мало чем отличалось от поведения армейских офицеров. По воспоминаниям его сослуживца, «по приказанию его, солдаты-квартирьеры наказали фухтелями мужика литовца за грубость, но так жестоко, что стоило больших усилий привести его в чувство и в самосознание. Жалоба дошла до генерал-губернатора, и дело едва кончилось мировою; Рылеев заплатил обиженному сто руб[лей] за увечья; в противном случае он был бы под судом и, конечно, разжалован» [Воспоминания 2010, с. 216].

Офицеры Черниговского полка, в котором в конце 1825 г. началось восстание, тоже не были образцами гуманизма. Например, поручик Михаил Щепилло, который в 1826 г. погибнет от правительственной картечи, за шесть лет до того, согласно документам Рязанского нижнего земского суда,

«призвав» в свою квартиру двух крестьян, «бранил их всякими неблагопристойными словами за то, для чего они в квартире его не делают трубы, и бил по щекам». Затем приказал унтер-офицерам раздеть крестьян и «бить палками, кои и били нещадно».

Это дело было замято, однако два года спустя карьера Щепиллы сильно пострадала. Именно тогда младший брат будущего декабриста был отставлен от службы «за жестокое наказание фельдфебеля» своей роты. Щепилло вынужден был уйти из полка вслед за братом и два года пробыл в отставке (цит. по: [Никитин 2006, с. 241]; [РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 370; РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 436; Высочайшие приказы 1822. Приказ от 29.06.1822 г.]).

Конечно, причины, по которым люди вступали в заговор, могли быть разными. Кто-то был идейным сторонником перемен, кто-то хотел власти, кто-то – славы, кого-то обошли по службе и т.д. Однако было и нечто общее, что объединяло декабристов. Участие в заговоре выводило «из душного и бесцветного быта» «шагистики и угоднического царедворничества». Член тайного общества начинал «новую жизнь», его обуревало «гордое чувство» «долга уже не верноподданного, а гражданина» [Волконский 1991, с. 359]. Большинство из тех, кто в 1820-е годы стал декабристом, получали возможность, говоря словами Ю.М. Лотмана, «смотреть на себя как на действующих лиц истории» – возможность, которой они были лишены в «легальной» жизни.

Естественно, лидеры учитывали настроения рядовых участников заговора и, строя планы переворота, опирались на эти настроения. Сергей Муравьев-Апостол был уверен, что заговорщикам удастся захватить власть с помощью военной революции, он утверждал, что она не приведет к жертвам, поскольку «угнетенные крестьяне их помещиками и налогами, притесненные командирами солдаты, обиженные офицеры и разоренное дворянство по первому знаку возьмут их сторону» [Муравьев-Апостол 1927, с. 394]. Доказывая Пестелю необходимость немедленного революционного похода, Муравьев-Апостол убеждал его, что «первая масса, которая восстанет, увлечет за собою прочие и что посланные войска против нас к нам же и присоединятся» [Бестужев-Рюмин 1950, с. 112].

«Нам должно действовать мечом»

После Московского съезда столичный тайный союз прекратил активную деятельность. Однако обстоятельства заставили заговорщиков собраться вновь.

Политическая жизнь в России в конце 1810 – начале 1820-х годов характеризовалась острой борьбой нескольких придворных группировок. Собственно, главных акторов этой борьбы, кроме самого императора, было трое: заведующий канцелярией Кабинета министров, главный начальник военных

поселений граф Алексей Аракчеев, начальник Главного штаба князь Петр Волконский и министр духовных дел и народного просвещения, президент Библейского общества князь Александр Голицын. Около каждого из них был достаточно большой круг единомышленников, сотрудничавших с ними по идейным, экономическим, карьерным соображениям.

До 1823 г. Александр «умело лавировал» между временщиками и возглавляемыми ими лагерями [Готовцева 2018, с. 21]. Но в этом году стало ясно: поставившие на Волконского и Голицына проигрывают, Аракчеев – с помощью придворных интриг – успешно нейтрализует своих врагов.

Весь год Россию потрясали громкие отставки. Именно тогда получил отпуск – а фактически отставку – Волконский; его место занял Иван Дибич, аракчеевский ставленник. В бессрочном отпуске оказался Виктор Кочубей, министр внутренних дел, умный, опытный и независимый политик, не пожелавший служить под контролем Аракчеева. Его место занял бесцветный, но всецело преданный Аракчееву Балтазар Компенгаузен. Лишился поста друг Голицына, министр финансов Дмитрий Гурьев; его заменил верный Аракчееву Егор Канкрин. Женатый на дочери Гурьева министр иностранных дел Карл Нессельроде тоже едва не лишился поста; однако в итоге он договорился с Аракчеевым.

Режим, который стал формироваться в России в 1823 г., современники и историки называли аракчеевщиной. Этот режим, согласно характеристике великого князя Николая Михайловича, состоял в том, что «по всем делам государь начал слушать только одного Аракчеева, принимать исключительно его доклады по всем отраслям государственного управления; а всесильный граф окружил монарха исключительно своими ставленниками и клеветами» [Николай Михайлович 2010, с. 239].

К 1823 г. свои позиции при дворе сумел сохранить, кроме Аракчеева, только один человек – Голицын. Пока он находился во главе своего министерства, тотального контроля Аракчеева над Россией не было. Однако слухи о возможной ликвидации «сугубого» министерства и отставке его руководителя активно циркулировали в свете [Кондаков 2005, с. 288].

Естественно, новости «большой политики» не сулили «помощникам» Голицына из Союза благоденствия ничего хорошего. Оставалось либо выходить в отставку и уезжать из столицы, либо дожидаться репрессий со стороны всесильного временщика, либо идти на поклон к Аракчееву. Был еще вариант возродить тайный союз на новых основаниях: к концу осени 1823 г. небольшой «инициативной группе» удалось провести «учредительное совещание петербургского общества» [Бокова 2003, с. 454].

В.М. Бокова называет новое общество «Союзом соединенных и убежденных» [Бокова 2003, с. 448], а на следствии оно получило название

Северного. Среди его «восстановителей» – активные участники Союза благоденствия: Николай Тургенев, Никита Муравьев, Сергей Трубецкой.

Программным документом Северного общества стала Конституция Никиты Муравьева. Несмотря на конституционно-монархическое содержание конституции, в главном она повторяла «Русскую правду»: «Русский народ, свободный и независимый, не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства... Все русские равны пред законом... Каждый обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям Отечества... Раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным... Разделение между благородными и простолюдинами не принимается» (цит. по: [Дружинин 1985, с. 268–269]).

В конце 1823 г. в Северное общество вступил Кондратий Рылеев – правитель дел Российско-Американской компании, крупнейшей торгово-промышленной организации России, либерально настроенный поэт, много лет сотрудничавший с Голицыным. В 1820 г., после Семеновской истории, он написал и опубликовал в журнале «Невский зритель» нашумевшую сатиру «К временщику», обвинявшую в «истории» лично Аракчеева [Готовцева, Киянская 2013, с. 107–123, 132–137].

И хотя о совместных действиях с Южным обществом договориться не удалось (в 1824 г. окончились провалом «объединительные совещания», которые в столице проводил Пестель), с момента восстановления общества в нем стал активно обсуждаться вопрос о судьбе императора и его «фамилии». Северные заговорщики поначалу не хотели убивать монарха. Они разработали другой план, план вывоза императорской семьи за границу. «Донесение Следственной комиссии» констатировало: мнение о вывозе императорской семьи за границу с Рылеевым разделяли «Трубецкой, Никита и Матвей Муравьевы, Оболенский и Николай Тургенев» [Донесение 1980, с. 49].

Истинным вождем заговора Рылеев становится во второй половине 1824 г. – после отставки Голицына и воцарении в России аракчеевщины. Рылеев сформировал вокруг себя кружок радикально настроенных молодых офицеров, литераторов и деятелей Российско-Американской компании, для которых он стал единственным начальником; кружок этот получил название «рылеевской отрасли» общества. Большую часть сгруппировавшихся около поэта недовольных составляли гвардейские моряки: флот в годы правления Александра I влачил жалкое существование, поскольку император не видел в нем надобности. Корабли гнили на рейде в Кронштадте, а морские офицеры, не имевшие возможности выйти в море, ненавидели власть.

Рылеев же мог набирать моряков на службу в Российско-Американскую компанию – и уже по одному этому пользовался в их среде серьезным авторитетом. Именно с кругосветными экспедициями, организуемыми компанией,

был связан план вывоза императорской семьи за границу: ее планировалось отвезти в Америку. Очевидно, что деятельность Рылеева после вступления в заговор как раз и была направлена на организацию этой акции (см. об этом: [Готовцева, Киянская 2013, с. 243–266]).

«Рылеевская отрасль» от либеральных разговоров перешла к делу: стала готовить государственный переворот. Сам же поэт, в отличие от южных лидеров, хотевших «военной революции», «делал ставку на одномоментное и краткое выступление, военный бунт» [Бокова 2003, с. 463, 469]. Накануне восстания на Сенатской площади Рылеев сформулировал и план цареубийства. Он предложил отставному поручику Петру Каховскому убить вступавшего на престол Николая Павловича. И был уверен, что если этого не сделать – «непременно последует междуусобная война» [Рылеев 1825, с. 188].

Исключительная роль Рылеева в подготовке восстания определялась не только его действиями в тайном обществе. Поэт лучше других выражал мысли и чувства людей, которые – ради возможности построить общество всеобщего равенства и стать «действующими лицами истории» – готовились вступить в битву с самодержавием.

Молодым заговорщикам поэт дал уверенность в своих силах, в собственной гражданской значимости, а накануне 14 декабря – и в том, что

*Нет примиренья, нет условий
Между тираном и рабом;
Тут надо не чернил, а крови;
Нам должно действовать мечом.*

* * *

Конечно, далеко не все вернувшиеся с войны офицеры пошли в декабристские союзы. Лидеров заговора, прошедших все его этапы, вряд ли было больше пяти человек. Однако и пятерых оказалось достаточно, чтобы определить вектор развития российской истории на много десятилетий вперед.

Идея вооруженного сопротивления попала на подготовленную почву: власть очевидным образом обманула ожидания общества. Император обещал «законно-свободные учреждения», конституцию, отмену крепостного права – а в итоге Россия получила аракчеевщину, военные поселения и гонения на университеты. Офицеры, желавшие социальной активности, получили лишь право добиваться от солдат «экзерцицимейстерской ловкости». Император, находившийся после войны в зените славы, отказался прислушаться к поданным.

К 1825 г. примирение власти и мыслящей элиты стало уже невозможным. Тем более что большая часть из тех, кто был готов идти до конца, командовали

вооруженными соединениями. Смерть императора, присяга Константину, незаконность закулисных договоренностей о воцарении Николая сделали ситуацию катастрофической. Вооруженное столкновение стало неизбежным.

Библиография

- Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительства, политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 911 с.
- Барятинский А.А. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 336 с.
- Басаргин Н.В. Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. 544 с.
- Батеньков Г.С. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 29–145.
- Бестужев-Рюмин М.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. Т. 9. С. 26–176.
- Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1871. Т. 5. 530 с.
- Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
- Бурцов И.Г. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 189–203.
- Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 610–1358.
- Вишленкова Е.А. Забота о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 467 с.
- Волконский С.Г. Записки. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. 512 с.
- Воспоминания о службе К.Ф. Рылеева в конной артиллерии // Готовцева А.Г., Киянская О.И. Правитель дел: К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К.Ф. Рылеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 205–234.
- Высочайшие приказы о чинах военных за 1822 год. СПб., 1822.
- Глинка Ф.Н. Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг; также о пользе и настоящем положении учрежденного при Гвардейском штабе для военных читателей книгохранилища. СПб.: Типография Гвардейского штаба, 1818. 72 с.
- Глинка Ф.Н. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 93–143.
- Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 288 с.
- Готовцева А.Г., Киянская О.И. Рылеев. М.: Молодая гвардия, 2013. 350 с.
- Готовцева А.Г. «Он всегда будет жертвой интриг»: придворная борьба Александровской эпохи // Россия и современный мир. 2018. № 1. С. 8–28.
- Грибовский М.К. Отчет Военной библиотеки за первый год, протекший от ее учреждения. СПб.: б/и, 1817. 11 с.
- Донесение Следственной комиссии (Его императорскому величеству высочайше утвержденной комиссии для изыскания о злоумышленных обществах всеподданейший доклад) // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 24–61.
- Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 5–304.
- Дубровин Н.Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX в.). Наши мистики-сектанты. СПб.: Издательство ДНК, 2009. 608 с.

Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи. Мемуары современников. М.: МГУ, 1989. С. 48–120; 358–371.

Жуковская Т.Н. «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Казань, 2019. Т. 161. Серия: Гуманитарные науки. Кн. 2–3. С. 96–111.

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

Карцов П.П. Событие в Лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г. // Русская старина. 1883 а. Т. 37. № 3. С. 685–702.

Карцов П.П. Событие в Лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г. // Русская старина. 1883 б. Т. 38. № 4. С. 61–94.

Керсновский А.А. История русской армии. М.; Берлин: Директмедиа, 2017. Ч. II. 307 с.

Кобеко Д. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1813. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. 553 с.

Комаров Н.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 393–412.

Кондаков Е.Ю. Либеральное и консервативное направление в религиозных движениях в России первой четверти XIX в. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 343 с.

Кандаурова Т.Н. Военные поселения в контексте либеральных реформ Александра I // Вестник Университета дружбы народов. 2009. Серия: История России. № 2. С. 5–17.

Лапин В.А. Семеновская история 16–18 октября 1820 года. Л.: Лениздат, 1991. 251 с.

Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 416 с.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб., 1994. 412 с.

Майофис М.Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820. Часть 1: Министерство духовных дел и народного просвещения. Особые заведения. Санкт-Петербургское общество учреждения училищ по методу взаимного обучения. СПб., 1820. 971 с.

Минаков А.Ю. Предтечи С.С. Уварова в поисках идеологического обоснования правительственной политики в области народного просвещения в 1817–1825 годах // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 145–164.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. 448 с.

Муравьев Н.М. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Центр-архив, 1925. Т. 1. С. 288–331.

Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. 96 с.

Муравьев-Апостол М.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 177–284.

Муравьев-Апостол С.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 227–412.

Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига: Издание книгопродавца Н. Киммеля, 1892. Т. 5. 643 с.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Издательство АН СССР, 1955 а. Т. 1. 484 с.

- Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Издательство АН СССР, 1955 г. Т. 2. 508 с.
- Никитин А.О. Новое слово о декабристе М.А. Щепилло // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань: Край, 2006. С. 236–256.
- Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I: биография. М.: Захаров, 2010. 320 с.
- Оболенский Е.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Центр-архив, 1925. Т. 1. С. 219–286.
- Пекарский П. О жизни и ученых трудах академика Константина Ивановича Арсеньева // Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1872. С. 1–60.
- Пестель П.И. Русская Правда // Восстание декабристов. Документы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. 692 с.
- Пестель П.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 1–226.
- Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1866. 727 с.
- Письмо полковника Ермолаева и Сергея Муравьева-Апостола князю Ивану Дмитриевичу Щербатову // Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). М.: ГПИБЛ, 2006. С. 260–263.
- Пичет В.И. Александр и Европа // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Юбилейное издание. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1912. Т. VII. С. 57–87.
- Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1830 г. Собрание 1-е. Т. 32 (1812–1815). № 25.287. 1107 с.
- Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1830 г. Собрание 1-е. Т. 33 (1815–1816). № 25.943. 1125 с.
- Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1830 г. Собрание 1-е. Т. 34 (1817). № 27.106. 959 с.
- Пресняков А.Е. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов // Каторга и ссылка. 1925. № 8 (21). С. 35–64.
- Пуцин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Худ. лит., 1988. 559 с.
- Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Академический проект, 2001. 560 с.
- Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб.: Академический проект, 2000. 477 с.
- РГВИА.Ф. 14664. Оп. 1. Д. 744.
- РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 370.
- РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 436.
- РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 313.
- РГВИА.Ф. 16231. Оп. 1. Д. 432.
- Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 480 с.
- Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 325–357.
- Рылеев К.Ф. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Центр-архив, 1925. Т. 1. С. 147–218.
- Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. Пг.: 2-я Государственная типография, 1919. Т. 1. 1819–1835. 759 с.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1890. Т. 73. 616 с.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825. Изд. 2-е. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1875. 1864 с.
- Семевский В.И. Волнение в Семеновском полку // *Былое*. 1907. № 2. С. 82–118.
- Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1888. Т. 1. 517 с.
- Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб.: Морская типография, 1816. 212 с.
- Толстой Ф.Н. Записки. М.: РГГУ, 2001. 337 с.
- Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983. Т. 1. 416 с.
- Трубецкой С.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Центр-архив, 1925. Т. 1. С. 3–145.
- Тургенев Н.И. Дневники и письма за 1816–1824 годы. Пг.: Академическая двенадцатая государственная типография, 1921. 528 с.
- Тургенев Н.И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. 744 с.
- Устав Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 1. С. 237–276.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Минск: Белорусский экзархат, 2006. 608 с.
- Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1982. Т. 2. 432 с.
- Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1960. 424 с.
- Шебунин А.Н. Николай Иванович Тургенев. М.: Госиздат, 1925. 132 с.
- Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1898. Т. 4. 654 с.
- Шипов И.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 425–430.
- Шишков А.С. Записки мнения и переписка. Berlin: V. Behr's Buchhandlung, 1870. Т. 1. 479 с.
- Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. СПб.: Наука, 2007. 740 с.
- Якушкин И.Д. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: 1927. Т. 3. С. 37–60.
- Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов: Сіверянська думка, 2006. 444 с.

References

- Andreeva T.V. Tajnye obshhestva v Rossii v pervoj treti XIX veka: Pravitel'stva politika i obshhestvennoe mnenie [Secret societies in Russia in the first third of 19 th Century: Governments politics and public opinion]. Saint Petersburg: Liki Rossii, 2009. 911 p. (In Russ.)
- Varyatinsky A.A. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1953. 336 p. (In Russ.)

Basargin N.V. Vospominaniya. Rasskazy. Stat'i [Memoirs. Stories. Articles]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1988. 544 p. (In Russ.)

Batenkov G.S. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Nauka, 1976. Vol. 14. P. 29–145. (In Russ.)

Bestuzhev-Ryumin M.P. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1950. Vol. 9. P. 26–176. (In Russ.)

Bogdanovich M.I. Istorija tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremja [History of the reign of Emperor Alexander I and Russia in his time]. Saint Petersburg: Printing House by F. Sushchinskiy, 1871. Vol. 5. 530 p. (In Russ.)

Bokova V.M. Jepoha tajnyh obshhestv. Russkie obshhestvennye ob'edineniya pervoj treti XIX veka [Age of secret societies. Russian public associations of the first third of the 19th Century]. Moscow: Reali-Press, 2003. 656 p. (In Russ.)

Burtsov I.G. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Rosspen, 2001. Vol. 20. P. 189–203. (In Russ.)

Donesenie Sledstvennoj komissii (Ego imperatorskomu velichestvu vysochajshe utverzhdennoj komissii dlja izyskaniya o zloumyshlennyh obshhestvah vsepoddanejsij doklad) // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Report to the Commission of Inquiry (to His Imperial Majesty the highest approved commission for investigation of malicious societies is the all-signed report) // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 17. P. 24–61. (In Russ.)

Druzhinin N.M. Dekabrist Nikita Murav'ev // Druzhinin N.M. Izbrannye trudy. Revoljucionnoe dvizhenie v Rossii v XIX veke [Decembrist Nikita Muravyev // Druzhinin N.M. Selected works. Revolutionary movement in Russia in the 19th Century]. Moscow: Nauka, 1985. P. 5–304. (In Russ.)

Dubrovin N.F. Posle Otechestvennoj vojny 1812 goda (Iz russkoj zhizni nachala XIX veka). Nashi mistiki-sektanty [After the Patriotic War of 1812 (From Russian life in the beginning of the 19th Century). Our mystic-sectarians]. Saint Petersburg: DNK Publishing House, 2009. 608 p. (In Russ.)

Florovsky G.V. Puti russkogo bogoslovija [Ways of Russian theology]. Minsk: Belarusian Exarchate, 2006. 608 p. (In Russ.)

Fonvizin M.A. Sochinenija i pis'ma [Essay and letters]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1982. Vol. 2. 432 p. (In Russ.)

Glinka F.N. Rassuzhdenie o neobhodimosti dejatel'noj zhizni, uchenyh uprazhnenij i chtenija knig; takzhe o pol'ze i nastojashhem polozenii uchrezhdenogo pri Gvardejskom shtabe dlja voennyh chitatelej knigohranilishha [Discussion about the necessity of active life, scientists' exercises and reading books; also about the usefulness and the present situation of the book repository established at the Guards headquarters for military readers]. Saint Petersburg: Publishing House by the Guards headquarters, 1818. 72 p. (In Russ.)

Glinka F.N. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: ROSSPEN, 2001. Vol. 20. P. 93–143. (In Russ.)

Gordin J.A. Dujeli i dujeljanty [Duels and duelists] Saint Petersburg: Pushkin Foundation, 1997. 288 p. (In Russ.)

Gotovtseva A.G. «On vsegda budet zhertvoj intrig»: pridvornaja bor'ba Aleksandrovskej jepohi [«He Will Always Be the Victim of Intrigues»: Court Fight in the Reign of Emperor Alexander I] // Russia and the contemporary world. 2018. N 1. P. 8–28. (In Russ.)

Gotovtseva A.G., Kiyanskaya O.I. Ryleev. Moscow: Molodaja gvardija Young Guard, 2013. 350 p. (In Russ.)

Gribovsky M.K. Otchjot Voennoj biblioteki za pervyj god, protekshij ot ejo uchrezhdenija [Report of the Military Library for the first year of its existence]. Saint Petersburg, 1817. 11 p. (In Russ.)

Kandaurova T.N. Voennye poselenija v kontekste liberal'nyh reform Aleksandra I // Vestnik Universiteta druzhby narodov [Military settlements in the context of liberal reforms of Alexander I // Bulletin of Peoples' Friendship University]. 2009. Series: History of Russia. N 2. P. 5–17. (In Russ.)

Kartsov P.P. Sobytie v Lejb-gvardii Semenovskom polku v 1820 godu // Russkaja starina [The event in the Semyonovsky Leib Guards Regiment in 1820 // Russian Antiquity]. 1883 a. Vol. 37. N 3. P. 685–702. (In Russ.)

Kartsov P.P. Sobytie v Lejb-gvardii Semenovskom polku v 1820 godu // Russkaja starina [The event in the Semyonovsky Leib Guards Regiment in 1820 // Russian Antiquity]. 1883 b. Vol. 38. N 4. P. 61–94. (In Russ.)

Kersenovsky A.A. Istorija russkoj armii [The History of Russian army]. Moscow. Berlin: Direct media, 2017. Part II. 307 p. (In Russ.)

Kobeko D. Imperatorskij Carskosel'skij licej. Nastavniki i pitomcy. 1811–1813 [Imperial Lyceum of Tsarskoye Selo. Mentors and pets. 1811–1813]. Saint Petersburg: Publishing House by V.F. Kirshbaum, 1911. 553 p. (In Russ.)

Komarov N.I. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: ROSSPEN, 2001. Vol. 20. P. 393–412. (In Russ.)

Kondakov E.Yu. Liberal'noe i konservativnoe napravlenie v religioznyh dvizhenijah v Rossii pervoj chetverti XIX veka [Liberal and conservative direction in religious movements in Russia in the first quarter of 19th Century]. St.-Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University, 2005. 343 p. (In Russ.)

Lapin V.A. Semenovskaja istorija 16–18 oktjabrja 1820 goda [Semenovskaya history 16–18 October 1820. Leningrad: Lenizdat, 1991. 251 p. (In Russ.)

Laurer N.I. Zapiski dekabrista [Notes of the Decembrist]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1984. 416 p. (In Russ.)

Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture [Conversations about Russian culture]. Saint Petersburg: Art-SPb. 1994. 412 p. (In Russ.)

Mayofis M.L. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshhestvo «Arzamas» i rossijskij modernizacionnyj proekt 1815–1818 godov [Appeal to Europe: Literary Society «Arzamas» and Russian modernization project in 1815–1818]. Moscow: New Literary Review, 2008. 800 p. (In Russ.)

Mesjaceslov s rospis'ju chinovnyh osob, ili obshhij shtat Rossijskoj imperii na leto ot Rozhdestva Hristova 1820. Chast' 1: Ministerstvo duhovnyh del i narodnogo prosveshhenija. Osobyje zavedenija. Sankt-Peterburgskoe obshhestvo uchrezhdenija uchilishh po metode vzaimnogo obuchenija [Calendar with paintings of officials, or the general staff of the Russian Empire for the summer of the Nativity of Christ in 1820. Part 1: Ministry of Spiritual Affairs and National Education. Special institutions. St. Petersburg society of schools by the method of mutual learning]. Saint Petersburg: 1820. 971 p. (In Russ.)

Minakov A.Yu. Predtechi S.S. Uvarova v poiskah ideologicheskogo obosnovanija pravitel'stvennoj politiki v oblasti narodnogo prosveshhenija v 1817–1825 godah // Tetradi po konservatizmu [S.S. Uvarov's Forerunners in Searching of an Ideological Basis for Government Policy in the Sphere of Public Education in 1817–1825 // Conservatism notebook]. 2018. N 1. P. 145–164. (In Russ.)

Mironenko S.V. Samoderzhavie i reformy. Politicheskaja bor'ba v Rossii v nachale XIX veka [Autocracy and reforms. Political struggle in Russia in the beginning of the 19th Century]. Moscow: Nauka, 1989. 240 p. (In Russ.)

Muravyov A.N. Sochinenija i pis'ma [Compositions and letters]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1986. 448 p. (In Russ.)

Muravyov N.M. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Tsentrkhiv, 1925. Vol. 1. P. 288–331. (In Russ.)

Muravyov-Apostol M.I. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Gospolitizdat, 1950. Vol. 9. P. 177–284. (In Russ.)

Muravyov-Apostol M.I. Vospominaniya i pis'ma [Memoirs and letters]. Prtograd: The past, 1922. 96 p. (In Russ.)

Muravyov-Apostol S.I. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. Vol. 4. P. 227–412. (In Russ.)

Nadler V.K. Imperator Aleksandr I i ideya Svjashhennogo sojuza [Emperor Alexander I and the idea of the Holy Alliance]. Riga: Publication of the bookseller N. Kimmel, 1892. Vol. 5. 643 p. (In Russ.)

Nechkina M.V. Dvizhenie dekabristov [Movement of Decembrists]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1955 a. Vol. 1. 484 p. (In Russ.)

Nechkina M.V. Dvizhenie dekabristov [Movement of the Decembrists]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1955 b. Vol. 2. 508 p. (In Russ.)

Nikitin A.O. Novoe slovo o dekabriste M.A. Shhepillo // Rjazanskaja starina [New word about Decembrist M.A. Shchepillo // Ryazan Antiquity]. 2004–2005. Ryazan: Krai, 2006. P. 236–256. (In Russ.)

Nikolai Mikhailovich, Grand Duke. Imperator Aleksandr I: biografija [Emperor Alexander I: biography]. Moscow: Zakharov, 2010. 320 c.

Obolenskiy E.P. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Tsentrkhiv, 1925. Vol. 1. P. 219–286. (In Russ.)

Pekarskiy P. O zhizni i uchenyh trudah akademika Konstantina Ivanovicha Arsen'eva // Istoricheskie bumagi, sobrannye Konstantinom Ivanovichem Arsen'evym [About life and scientific works of academician Konstantin Ivanovich Arseniev // Historical papers collected by Konstantin Ivanovich Arseniev]. Saint Petersburg: Printing House by Imperial Academy of Sciences, 1872. P. 1–60. (In Russ.)

Pestel P.I. Russkaja Pravda // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Russian Truth // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1958. 692 p. (In Russ.)

Pestel P.I. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. Vol. 4. P. 1–226. (In Russ.)

Pichet V.I. Aleksandr i Evropa // Otechestvennaja vojna i russkoe obshhestvo. 1812–1912. Jubilejnoe izdanie [Alexander and Europe // Patriotic War and Russian Society. 1812–1912. Jubilee edition]. Moscow: Printing House by Sytin's Society, 1912. Vol. VII. P. 57–87. (In Russ.)

Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu [Letters from N.M. Karamzin to I.I. Dmitriev]. Saint Petersburg: Publishing House by Imperial Academy of Sciences, 1866. 727 p. (In Russ.)

Pis'mo polkovnika Ermolaeva i Sergeja Murav'eva-Apostola knjazju Ivanu Dmitrievichu Shherbatovu // Pis'ma glavnejshih dejatelej v carstvovanie imperatora Aleksandra I (1807–1829) [Letter from Colonel Ermolaev and Sergei Muravyov-Apostle to Prince Ivan Dmitrievich Shcherbatov // Letters of the most important figures in the reign of Emperor Alexander I (1807–1829)]. M.: GPIBLI, 2006. P. 260–263. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Printing house by II Branch of His Imperial Majesty's Own Office, 1830 a. Collection 1. Vol. 32 (1812–1815). N 25.287. 1107 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Printing house by II Branch of His Imperial Majesty's Own Office, 1830 c. Collection of the 1 st. T. 34 (1817). N 27.106. 959 p. (In Russ.)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Printing house by II Branch of His Imperial Majesty's Own Office, 1830 b. Collection of the 1 st. T. 33 (1815–1816). N 25.943. 1125 p. (In Russ.)

Presnyakov A.E. Tajnye obshhestva i obshhestvenno-politicheskie vozzrenija dekabristov // Katorga i ssylka [Secret societies and social and political views of Decembrists // Penal servitude and exile]. 1925. N 8 (21). P. 35–64. (In Russ.)

Pushchin I.I. Zapiski o Pushkine. Pis'ma [Notes about Pushkin]. Letters. Moscow: Belletristic Literature, 1988. 559 p. (In Russ.)

Pyпин A.N. Obshhestvennoe dvizhenie v Rossi pri Aleksandre I [Public Movement in Russia under Alexander I]. Saint Petersburg: Academic Project, 2001. 560 p. (In Russ.)

Pyпин A.N. Religioznye dvizhenija pri Aleksandre I [Religious movements under Alexander I]. Saint Petersburg: Academic Project, 2000. 477 p. (In Russ.)

RGVIA.F. 14664. Op. 1. D. 744. (In Russ.)

RGVIA.F. 16231. Op. 1. D. 370. (In Russ.)

RGVIA.F. 16231. Op. 1. D. 436. (In Russ.)

RGVIA.F. 16231. Op. 1. D. 313. (In Russ.)

RGVIA.F. 16231. Op. 1. D. 432. (In Russ.)

Rosen A.E. Zapiski dekabrista [Notes of the Decembrist]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1984. 480 p. (In Russ.)

Runich D.P. Zapiski // Russkaja starina [Notes // Russian Antiquity]. 1901. N 2. P. 325–357. (In Russ.)

Ryleev K.F. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Tsentrkhiv, 1925. Vol. 1. P. 147–218. (In Russ.)

Sankt-Peterburgskij universitet v pervoe stoletie ego dejatel'nosti [Saint-Petersburg University in the first century of its activity]. Petrograd: Second State Printing House, 1919. Vol. 1. 1819–1835. 759 p. (In Russ.)

Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Saint Petersburg: Printing house by I.N. Skorokhodov, 1890. Vol. 73. 616 p. (In Russ.)

Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. T. 1: Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I [Collection of resolutions for the Ministry of National Education. Vol. 1: Reign of Emperor Alexander I]. 1802–1825. Saint Petersburg: Printing house by V.S. Balashev, 1875. 1864 p. (In Russ.)

Semevskiy V.I. Krest'janskij vopros v Rossii v XVIII i pervoj polovine XIX veka [Peasant question in Russia in XVIII and first half of the 19th Century]. Saint-Petersburg: Printing house by «Public benefit» association, 1888. Vol. 1. 517 c. (In Russ.)

Semievskiy V.I. Volnenie v Semenovskom polku // Byloe [Excitement in Semyonovsky regiment // The Past]. 1907. N 2. P. 82–118. (In Russ.)

Shebunin A.N. Nikolaj Ivanovich Turgenev. Moscow: Golizdat, 1925. 132 p. (In Russ.)

Shil'der N.K. Imperator Aleksandr Pervyj, ego zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Alexander I, his life and reign]. Saint Petersburg: Publishing House by A.S. Suvorin, 1898. Vol. 4. 654 p. (In Russ.)

Shipov I.P. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: ROSSPEN, 2001. Vol. 20. P. 425–430. (In Russ.)

Shishkov A.S. Zapiski mnenija i perepiska [Notes of opinions and correspondence]. Berlin: B. Behr's Buchhandlung, 1870. Vol. 1. 479 p. (In Russ.)

Sobranie vysochajshih manifestov, gramot, ukazov, reskriptov, prikazov vojskam i raznyh izveshhenij posledovavshih v techenii 1812, 1813, 1814, 1815 i 1816 godov [Collection of the highest manifestoes, letters, decrees, rescript orders to the troops and various notices from 1812, 1813, 1814, 1815 and 1816]. Saint Petersburg: Marine Printing house, 1816. 212 p. (In Russ.)

Tchernov S.N. U istokov russkogo osvoboditel'nogo dvizhenija [At the origin of the Russian liberation movement]. Saratov: Saratov University Publishing House, 1960. 424 p. (In Russ.)

Tolstoy F.N. Zapiski [Notes]. Moscow: RGGU, 2001. 337 p. (In Russ.)

Trubetskoy S.P. Materialy o zhizni i revoljucionnoj dejatel'nosti [Materials about life and revolutionary activity]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1983. Vol. 1. 416 p. (In Russ.)

Trubetskoy S.P. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Tsentrkhiv, 1925. Vol. 1. P. 3–145. (In Russ.)

Turgenev N.I. Dnevnik i pis'ma za 1816–1824 gody [Diaries and letters for 1816–1824]. Petrograd: Academic Twelfth State Printing House, 1921. 528 p. (In Russ.)

Turgenev N.I. Rossiya i russkie [Russia and Russians]. Moscow: OGI, 2001. 744 p. (In Russ.)

Ustav Sojuza blagodenstvija // Izbrannye social'no-politicheskie i filosofskie proizvedenija dekabristov [Statutes of the Union of Welfare // Selected social, political and philosophical works of the Decembrists]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1951. Vol. 1. P. 237–276. (In Russ.)

Vigel' F.F. Zapiski [Notes]. Moscow: Zakharov, 2003. Vol. 2. P. 610–1358.

Vishlenkova E.A. Zabotjas' o dushah poddannyyh: religioznaja politika v Rossii pervoj chetverti XIX veka [Caring about the souls of subjects: religious policy in Russia of the first quarter of the 19th century]. Saratov: Saratov University, 2002. 467 p. (In Russ.)

Volkonsky S.G. Zapiski [Notes]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1991. 512 p. (In Russ.)

Vospominanija o sluzhbe K.F. Ryleeva v konnoj artillerii [Memoirs of K.F. Ryleev's service in equestrian artillery] // A.G. Gotovtseva, O.I. Kiyanskaya, Pravitel' del: K istorii literaturnoj, finansovoj i konspirativnoj dejatel'nosti K.F. Ryleeva [Business manager: To the history of literary, financial and conspiracy activity of K.F. Ryleev]. Saint Petersburg: Nestor History, 2010. P. 205–234. (In Russ.)

Vysochajshie prikazy o chinah voennyh za 1822 god [The highest orders about the ranks of the military for 1822]. Saint Petersburg, 1822. (In Russ.)

Yachmenikhin K.M. Armija i reformy: voennye poselenija v politike rossijskogo samodержavija [Army and Reforms: military settlements in politics of Russian autocracy]. Chernigov: Siveryanska Dumka, 2006. 444 p. (In Russ.)

Yakushkin I.D. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: 1927. Vol. 3. P. 37–60. (In Russ.)

Yakushkin I.D. Zapiski, stat'i, pis'ma [Notes, articles, letters]. Saint Petersburg: Science, 2007. 740 p. (In Russ.)

Zhikharev M.I. Dokladnaja zapiska potomstvu o Petre Jakovleviche Chaadaeve // Russkoe obshhestvo 30-h godov XIX veka. Ljudi i idei. Memuary sovremennikov [Report note to posterity about Peter Yakovlevich Chaadaye // Russian society of the 30s of the 19th Century. People and ideas. Memoirs of contemporaries]. Moscow: Moscow State University, 1989. P. 48–120; 358–371. (In Russ.)

Zhukovskaya T.N. «Delo professorov» 1821 g. v Sankt-Peterburgskom universitete: novye interpretacii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [«The case of professors» 1821 at Saint Petersburg University: new interpretations // Scientists' notes of Kazan University]. Kazan, 2019. Vol. 161. Series: Humanities. Iss. 2–3. P. 96–111. (In Russ.)

Zorin A.L. Kormja dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaja ideologija v Rossii v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka [Feeding the Two-headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow: A New Literary Review, 2001. 416 p. (In Russ.)